

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

173723 / 1.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ

ТОМЪ СЛХV.

С. - ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая улица, д. № 36.

1885

~~37~~
480

ВЪ ЗАКАСПІЙСКОМЪ КРАѢ ВЪ 1877 ГОДУ.

(Воспоминанія офицера).

(Статья первая).

I.

Командировка въ Закаспійскій край.—Походъ и перевъздъ моремъ.—Фортъ Александровскій.—Общественная жизнь въ фортъ.—Зима.—Приготовленія къ походу.—Киргизская милиція и ея боевое снаряженіе.—Ея дѣятельность.—Киргизскія лошади и сбруя.—Казенное довольствіе войскъ.—Наемъ верблюдовъ.

Въ 1876 году 5-я и 6-я сотни Лабинскаго казачьяго полка Кубанскаго войска были командированы на службу въ Закаспійскій край, на смѣну двумъ сотнямъ Гребенскаго казачьяго полка Терскаго войска, которыя должны были возвратиться обратно на Кавказъ. Въ виду этой командировки, командиръ Лабинскаго полка, снявъ означенныя сотни съ кордона персидской границы, собралъ ихъ къ указанному сроку въ штабъ полка—урочище Геогъ-Тапе, въ 50-ти верстахъ отъ Ленкорана, и, снарядивъ къ дальнему походу, 16-го марта, послѣ обычнаго въ сихъ случаяхъ молебна, отправилъ по назначенію: 6-ю сотню въ укрѣпленіе Красноводскъ, а 5-ю, которою командовалъ я,—въ фортъ Александровскій, Мангитшлакскаго приставства, на сѣверо-восточномъ берегу Каспійскаго моря, т. е. въ страну киргизовъ.

Я не стану описывать похода по западному берегу Каспійскаго моря черезъ Кубу, Дешлагаръ, Дербентъ, Темиръ-Ханъ-Шуру и Петровскъ, а перейду прямо къ цѣли моего разсказа, т. е. къ нашей службѣ въ Средней Азіи. Итакъ, на 20-й день похода, а именно 4-го апрѣля, шкуна «Туркменъ» (общества «Кавказъ и Меркурій»), перевозившая

5-ю сотню черезъ море, послѣ сорока-часовой качки, появилась у восточнаго берега бывшихъ хивинскихъ владѣній, въ виду форта Александровскаго.

Какъ ни тяжело было впечатлѣніе при видѣ пустынныхъ береговъ, лишенныхъ всякой растительности, но сознаніе, что съ прибытіемъ на мѣсто оканчивались наши походы невзгоды не только изгладило дурное впечатлѣніе, но, напротивъ, ободрило насъ всѣхъ. Даже лошади, почувявъ близость земли, дружнымъ ржаніемъ привѣтствовали свое скорое освобожденіе изъ трюма, куда были заключены на время переѣзда моремъ. Пароходъ остановился въ бухтѣ въ 100 саженьяхъ отъ берега, въ виду небольшого селенія, состоящаго изъ 40 или 50-ти домовъ, составляющихъ колонію рыбаковъ-промышленниковъ, — переселенцевъ съ Волги и Урала.

За неимѣніемъ настоящей пристани, пришлось выгружать лошадей прямо въ воду на четырехъ-саженной глубинѣ. Фыркая и какъ-бы радуясь близости земли, быстро и легко плыли онѣ къ берегу, гдѣ ихъ ловили казаки, часть коихъ для этого была заранѣе высажена на берегъ. Окончивъ выгрузку, мы скоро прошли трехъ-верстное разстояніе, отдѣляющее селеніе отъ крѣпости, гдѣ были встрѣчены подполковникомъ Архангельскимъ (воинскій начальникъ и комендантъ форта, остававшійся въ то время, за отсутствіемъ полковника Навроцкаго, приставомъ Мангишлака). Опросивъ въ извѣстномъ порядкѣ претензіи, которыхъ за походъ не оказалось, и оставшись весьма доволенъ бодрымъ видомъ людей, а въ особенности хорошимъ состояніемъ лошадей, подполковникъ Архангельскій отпустилъ насъ въ казармы, находящіяся тотчасъ за форштатомъ. Казармы эти состояли изъ каменныхъ зданій съ большими конюшнями, кухонъ и цейхгаузовъ, которыя хотя и требовали значительной ремонтровки, но послѣ тѣхъ балагановъ, въ которыхъ казаки привыкли помѣщаться на кордонной линіи персидской границы, казармы форта Александровскаго показались имъ палатами.

Съ одной стороны, въ полуверстѣ отъ казармъ, синѣло море, съ другой—довольно красивая и опрятная улица форштата, а за нимъ, на скалѣ,—крѣпость, изъ-за стѣнъ которой высилась церковь съ блестящимъ крестомъ. Все выѣстъ производило настолько хорошее впечатлѣніе, что сразу примирило насъ съ будущимъ пребываніемъ въ глухомъ мѣстечкѣ. Ласковый пріемъ начальства, а также радушное гостепріимство общества служащихъ и торговаго населенія, окончательно расположило насъ, пришельцевъ, въ пользу забрешеннаго уголка. Но далѣе насъ ожидало полное очарованіе. Устроившись съ своимъ субал-

терномъ на просторной и удобной квартирѣ, дня черезъ два послѣ прибытія, мы были приглашены въ мѣстный общественный клубъ, помѣщавшійся тогда, лѣтомъ, въ саду, да еще въ какомъ саду!—правда, среди песчаной пустыни, въ 1½ верстахъ отъ крѣпости, но густомъ и тѣнистомъ, являющимся какимъ-то волшебствомъ. Этотъ знаменитый садъ былъ основанъ въ сороковыхъ годахъ Тарасомъ Шевченко, который служилъ тогда въ фортѣ Александровскомъ рядовымъ. Въ саду мы нашли довольно просторную танцевальную залу, бильярдную и буфетъ, содержащія въ большомъ порядкѣ попеченіями г. В—ва, казначея клуба. Наконецъ, подъ музыку, какую Богъ послалъ, мы увидѣли до пятнадцати паръ танцующихъ. Общество форта Александровскаго состояло исключительно изъ двухъ элементовъ—военнаго и торговаго; въ послѣдній входили большей частью зажиточные астраханскіе армяне, которые имѣли большіе рыбные промыслы въ фортѣ и, кромѣ того, вели выгодную торговлю съ туземнымъ населеніемъ—размѣномъ верблюжьей и овечьей шерсти на русскій хлѣбъ и мануфактурные товары. Большая часть этого меркантильнаго люда, не смотря на свое восточное происхожденіе, имѣла совсѣмъ европейскую оболочку и вовсе не походила на нашихъ закавказскихъ армянъ, какъ нравственнымъ развитіемъ, такъ и костюмомъ.

Общество военное сгруппировалось изъ офицеровъ войскъ, составившихъ гарнизонъ форта, а именно: мѣстной команды въ 500 человекъ, 3-й роты Самурскаго полка, крѣпостной артиллеріи и моей казачьей сотни. Всѣхъ насъ, штабъ и оберъ-офицеровъ съ чинами мѣстнаго управленія, тогда было не болѣе 20-ти человекъ. Дружный кружокъ военныхъ, общественное радушіе, клубныя развлечения скоро сильно привязали насъ къ форту. Выдержавъ, правда съ трудомъ, періодъ жаровъ, мы, осенью, въ свободное отъ службы время, стали чаще собираться въ клубъ, перемѣщенномъ на время зимняго сезона въ крѣпость. Какъ-то у насъ зашла рѣчь о любительскомъ спектаклѣ,—отъ слова перешли къ дѣлу и вскорѣ таковой у насъ устроился.

Наступила зима и съ ней морозы, заковавшіе наши берега на далекое пространство. Всякое сообщеніе съ остальнымъ міромъ прервалось на долгое время. Два мѣсяца слишкомъ мы не получали ни газетъ, ни писемъ. Впродолженіе всего этого времени пароходы, посылаемые въ фортъ, нѣсколько разъ показывались на дальнемъ горизонтѣ темносиняго моря и снова скрывались за невозможностью войти въ бухту по причинѣ льдовъ и бушующаго моря. Но хорошая обстановка нашей общественной жизни и ея матеріальныя условія, достаточная обезпеченность жизненными продуктами изъ Петровска и Астрахани нѣсколько помирili насъ съ такимъ положеніемъ.

Только въ послѣднихъ числахъ февраля насталъ конецъ нашему долготерпѣнію: шкуна «Каспій», шедшая изъ Петровска въ фортъ, вошла, наконецъ, въ бухту и обрадовала насъ кипами бумагъ, газетъ, писемъ, журналовъ, свѣжими продуктами и новостями, не получавшимися съ декабря мѣсяца. Съ прибытіемъ шкуны нашъ фортъ получилъ видъ вполне праздничный; все населеніе оживилось и засуетилось; на всѣхъ лицахъ сіяла радость и довольство. Мы поздравляли другъ друга съ этимъ торжественнымъ событіемъ. Между прочими новостями къ намъ пришло очень важное извѣстіе о скоромъ прибытіи въ фортъ начальника Закаспійскаго края, генерала Ломакина, а вмѣстѣ съ нимъ и предписаніе мнѣ съ сотнею и ротѣ самурцевъ приготовиться къ походу въ Красноводскъ и далѣе до Ахаль-Теке.

И вотъ, послѣ годовой мирной стоянки въ фортѣ Александровскомъ назначался походъ. Явилась масса хлопотъ: надо было все предусмотрѣть для полного обезпеченія сотни въ виду тѣхъ лишеній, которыя предстояли намъ въ походѣ по безводнымъ пустынямъ.

Наши кавалерійскія походныя коновязи оказывались непригодными для песчаного и каменистаго грунта страны, въ виду чего, по примѣру туземцевъ, я заготовилъ желѣзные приколы по одному на три лошади, какъ для тѣхъ случаевъ, когда казаки при исполненіи аванпостной службы дробились на мелкія части, такъ и для общей коновязи, когда сотня находилась въ сборѣ. Приколъ этотъ въ $\frac{3}{4}$ аршина длины, съ заостреннымъ концомъ съ одной стороны и широкимъ кольцомъ съ другой, будучи вбитъ косвенно въ землю, держится настолько прочно, что лошади, привязанныя къ кольцу, ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи его выдернуть. Далѣе, слѣдовало запастись подковами, въ меньшей мѣрѣ по три на лошадь, запасными потниками и такъ называемыми у казаковъ подметками (длинная подстилка изъ тонкаго и мягкаго войлока подъ потниками), парусинными ведрами наподобіе киргизскихъ, баклагами для воды на каждого по одному, мѣдными чайниками и разными другими предметами, непримѣнными для похода въ Россіи и на Кавказѣ, но необходимыми въ безплодной степи Закаспійскаго края.

Начальникъ приставства, полковникъ Навроцкій, въ свою очередь, получилъ отъ генерала Ломакина предписаніе сформировать къ предстоящей экспедиціи, въ видѣ опыта, одну сотню киргизской милиціи и приобрести отъ киргизовъ наймомъ или покупкою 2,000 верблюдовъ для транспорта отряда, сборнымъ пунктомъ коего былъ Красноводскъ. Это послѣднее, очень важное для экспедиціи, обстоятельство надѣлало много хлопотъ полковнику Навроцкому. Были вызваны всѣ старшины кирги-

зовъ и началась возня съ ними—всякіе толки, переговоры относительно условій приобрѣтенія верблюдовъ, которыхъ вскорѣ и было нанято около 2,000, а также было приступлено и къ формированію милиціи. Всякій день киргизы прїѣзжали въ фортъ записываться въ сформировавшееся ополченіе. Благодаря хорошему жалованью, охотниковъ нашлось много. При казенномъ фуражномъ и провіантскомъ довольствіи жалованья опредѣлено было назначить по 15 руб. въ мѣсяцъ на всадника, по 20 р. урядникамъ и 50 р. командиру сотни—должность, которую удостоился получить киргизъ Касумъ, одинъ изъ вліятельныхъ біевъ (дворянъ), служившій во время хивинскаго похода при кавказскомъ отрядѣ генерала Ломакина, въ качествѣ проводника, гдѣ и получилъ георгіевскій крестъ. Само собою разумѣется, что полковникъ Навроцкій выбиралъ въ милицію киргизовъ изъ лучшихъ наѣздниковъ и на лучшихъ лошадяхъ. Наконецъ, мы увидѣли сотню туземнаго войска, которая при содѣйствіи нашихъ урядниковъ скоро выучилась поворотамъ, справа по три, но и только; распространить же далѣе программу военнаго обученія, не смотря на всѣ наши общія усилія, намъ не удалось по причинѣ неспособности киргизовъ. Сотня эта была вооружена кривыми старинными саблями и пиками изъ крѣпкаго морскаго камыша отъ 2¹/₂ до трехъ аршинъ длины съ желѣзнымъ остріемъ. Ружья попадались у весьма немногихъ, не болѣе 20-ти во всей сотнѣ, но и то весьма уродливыя—кремневая и вѣковая большихъ размѣровъ. Одежду всадниковъ составляли халаты большей частью изъ верблюжьей шерсти, а у нѣкоторыхъ ситцевые, полосатые и всѣхъ цвѣтовъ; халаты эти надѣвались сверхъ обыкновеннаго архалука, въ родѣ поддевки темнаго, цвѣта и подпоясывались широкими полотняными кушаками также различныхъ цвѣтовъ; затѣмъ, широкіе шаровары преимущественно желтаго и краснаго сафьяна туземной выдѣлки, выпущенныя поверхъ сапоговъ, не черненныя и самой грубой работы, доморощенныхъ мастеровъ.

Что же касается до головнаго убора, то этотъ послѣдній своимъ разнообразіемъ доходилъ до шутовства. Часть всадниковъ носила свои національныя малахамъ, т. е. остроконечныя, большія бархатныя шапки всѣхъ цвѣтовъ, подбитыя лисьимъ мѣхомъ; другіе—шляпы наподобіе тирольскихъ, изъ краснаго бархата съ золотыми и серебряными галунами; многіе имѣли бараньи шапки, какъ у крымскихъ татаръ, и, наконецъ, остальные повязывали голову просто разноцвѣтными платками, что случалось особенно лѣтомъ. Хотя ополченіе это по наружному виду представляло собою ни что иное, какъ пеструю нестройную орду, но тѣмъ не менѣе киргизская милиція во все время экспедиціи оказывала нашимъ войскамъ незамѣнимыя услуги. Киргизы не разъ находили намъ

воду, выкапывая колодцы тамъ, гдѣ никому это не пришло бы и въ голову. Кромѣ того, они всегда расчищали для насъ давно забытые и завалившіеся колодцы; водили казаковъ на фуражировку, инстинктомъ угадывая присутствіе растительности или топлива. Они добывали намъ барановъ въ кочевьяхъ турменъ, въ мѣстахъ, гдѣ мы не могли и предполагать найти какое-либо жильё; охраняли верблюдовъ днемъ и ночью, держа по своему пикеты внѣ всякаго устава. Всегда дѣятельные, энергичные, неутомимые, на такихъ же, не знающихъ устали, лошадахъ, киргизы служили вполне добросовѣстно, охраняя отрядъ, а особенно его транспортъ, и своею чуткостью и зоркостью нерѣдко предупреждали войска объ опасности, возможной со стороны текинцевъ. Зная, какъ-бы наизусть, родную степь, они часто по ночамъ возили дёшепи изъ одной колонны въ другую за 30—40 верстъ, возвращаясь утромъ съ отвѣтомъ и ориентирясь только небесными свѣтилами. Рыскавая во всѣ стороны и удаляясь отъ отряда, они какимъ-то чуднымъ образомъ никогда не доходили до того бѣдственнаго положенія, въ которомъ нерѣдко приходилось быть намъ, когда мы принуждены были питаться только сухарями и кормить лошадей однимъ бурьяномъ.

Какъ кавилеристъ, я не могу не обратить здѣсь вниманія на незамѣнимыя достоинства киргизской лошади и не отдать ей предпочтенія передъ всѣми породами въ перенесеніи трудовъ и всевозможныхъ лишеній, въ чемъ я успѣлъ вполне убѣдиться за свое трехлѣтнее пребываніе въ Закаспійскомъ краѣ, гдѣ большую часть службы я провелъ въ походахъ отъ сѣверныхъ береговъ Каспія къ южнымъ и въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ въ Ахаль-Теке. Не было примѣра, чтобы въ киргизской милиціи лошадь пала собственно отъ изнуренія при большихъ и форсированныхъ переходахъ. Неуклюжія, но легкія и крѣпкія лошади эти выказывали чудеса выносливости. Отсутствіе сѣна, при двухъ гарницахъ овса (въ сутки), которые полагались въ милиціи, нисколько не дѣйствовало на тѣло киргизскихъ лошадей, не смотря на усиленные труды. Часто, совсѣмъ безъ зерноваго фуража, лошади эти довольствовались однимъ особеннаго свойства полынemъ, коимъ обильно покрыты степи. Переходы во 100 верстъ безъ воды, дѣйствовавшіе такъ пагубно на нашихъ лошадей, не имѣли никакого вліянія на киргизскихъ. Казалось, онѣ не знали устали и совсѣмъ не нуждались въ отдыхѣ.

Будучи предупрежденъ рассказами объ этихъ качествахъ киргизской лошади, я заблаговременно принялъ мѣры, чтобы занастись къ походу какъ можно болѣе такими лошадьми для казаковъ, у которыхъ таковыя, въ виду далекаго похода, оказывались почему-либо ненадежными.

На первый разъ пришлось въ сотнѣ перемѣнить почти четвертую часть лошадей. Мѣра эта, какъ въ послѣдствіи показалъ опытъ, вполне оправдала моя надежды, о чемъ я буду говорить въ свое время. Между тѣмъ киргизы охотно покупали нашихъ отвормленныхъ лошадей на зарѣзъ для пищи, признавая ихъ совсѣмъ не подходящими для своей кавалеріи. Жалко было видѣть, какъ нѣкоторые хотя и запаленныя или безногія, но красивыя кабардинскія лошади шли на жаркое и разныя киргизскія блюда. Но за то вмѣсто нихъ мы приобрѣли крѣпкихъ, мускулистыхъ и шустрыхъ лошадей, иноходцевъ, буланыхъ, мыпастыхъ, саврасыхъ, чубарыхъ и прочихъ отмастковъ, которыя тоже составляютъ особенность лошадей киргизской расы. Лошади эти, какъ показали намъ послѣдствія, не только превосходили кавказскихъ въ выносливости и неутомимости, но оказались менѣе другихъ воспріимчивы къ разнаго рода болѣзнямъ и ссадинамъ. По крайней мѣрѣ у киргизовъ случаевъ спинныхъ набоевъ (ссадинъ), опоевъ или другихъ болѣзней почти не было. Приписывая это явленіе системѣ киргизовъ не нѣжить своихъ лошадей и приучать ихъ къ водопою сейчасъ послѣ перехода, я не могу не удивляться, что уродливыя киргизскія сѣдла со всею отчаянною конскою сбруею не портили спинъ лошадямъ. Конское снаряженіе, кромѣ хорошихъ потниковъ, у киргизовъ дѣйствительно скверное. На верхъ простаго ленчика, въ родѣ нашихъ солдатскихъ, относительно правильной работы, накидывается обыкновенная ситцевая, головная подушка, перехваченная вмѣсто трока шерстяною веревкою; подпруги ременныя, какія попало, жесткія, никогда не смазываются; путлища тоже, часто веревочныя; стремена желѣзныя, всегда заржавленные, широкія; удила такія же; поводья и пахвы почти у всѣхъ веревочныя, шерстяныя, а къ сѣдлу спереди прикрѣпленъ всегда неизмѣнный арканъ съ желѣзнымъ приколомъ. При такой небрежности къ своему конскому снаряженію, киргизы относятся также весьма равнодушно и къ содержанію лошадей, которыхъ никогда не чистятъ и не купаютъ, находя послѣднее вреднымъ. Копыто киргизской лошади по своей крѣпости положительно паразитично; мало того, что ковка совершенно чужда киргизамъ, — они никогда даже не ровняютъ копытъ посредствомъ обрѣзыванія; грива и хвостъ не знаютъ ножницъ, а потому всегда длинные и восматые. Проскакиваютъ киргизы на этихъ лошадяхъ безъ усталости громадныя разстоянія отъ двухъ до трехъ часовъ сряду, тотчасъ же поятъ у перваго колодца, и только въ этомъ послѣднемъ случаѣ, напоивъ лошадь, киргизъ снова пускается скакать нѣсколько минутъ, чтобы послѣ воды не простудить сильно разгоряченную лошадь; въ остальныхъ же случаяхъ, послѣ 20-ти — 30-ти-верстнаго перехода шагомъ, киргизы,

напоивъ лошадей, немедленно пускають ихъ на длинныхъ арканахъ щипать кормъ.

Лошади, пріобрѣтенныя нами отъ киргизовъ, при хорошемъ содержаніи въ рукахъ казаковъ, оказались еще лучше, выносливѣе и рѣзвѣе, чѣмъ были до этого у своихъ хозяевъ, и окончательно убѣдили меня въ своемъ преимуществѣ и способности на всякіе кавалерійскіе подвиги.

Рота самурцевъ также снаряжалась въ походъ. Главное вниманіе командира роты, штабсъ-капитана Г., было обращено на обувь. По приѣзду прошлыхъ лѣтъ и хивинскаго похода, для солдатъ были построены штиблеты изъ толстой морской парусины. Обувь эта, общепринятая для пѣхоты въ походахъ Закаспійскаго края, по своей легкости и практичности, вошла въ употребленіе наравнѣ съ форменнымъ обмундированіемъ солдатъ.

Что же касается до продовольствія войскъ вообще, то въ этомъ отношеніи начальники частей освобождались отъ хлопотъ и отвѣтственности въ виду того, что таковое, не исключая сѣна и дровъ, доставлялось съ кавказскаго берега, и мы получали его отъ интендантства продуктами, которые, по положенію, существующему въ Закаспійскомъ краѣ, отпускались какъ нижнимъ чинамъ, такъ штабъ и оберъ-офицерамъ всѣмъ въ одинаковой пропорціи, подъ названіемъ морской провизіи—наравнѣ съ продовольствіемъ, полагаемымъ матросамъ и всѣмъ чинамъ флота. А именно, въ мѣсяцъ на человѣка: 12 чарокъ спирта, $\frac{1}{4}$ ф. чая и $1\frac{1}{2}$ ф. сахара, 1 пудъ 10 ф. мяса ($1\frac{1}{2}$ ф. въ сутки), 3 ф. коровьяго масла и свиного сала; затѣмъ, крупчатая мука, капуста, бураки, картофель, горохъ, лукъ, зелень въ консервахъ и пряныя вещества. Сухари и крупа—въ двойной пропорціи противъ обыкновеннаго пайка. Въ кавалеріи получалось 3 гарнца овса и 14 ф. сѣна; на походѣ сѣно замѣнялось овсомъ или ячменемъ въ размѣрѣ, опредѣленномъ закономъ, т. е. по одному гарнцу зерноваго фуража взамѣнъ 5-ти фун. сѣна. Все это бралось съ собою въ походѣ на болѣе или менѣе продолжительное время въ количествѣ, соразмѣрномъ съ разстояніемъ, съ продолжительностью похода и съ числомъ верблюдовъ, а, главное, соображаясь съ военными обстоятельствами, полагая не болѣе 10 пудовъ на верблюда. Способъ выюченія въ войскахъ. былъ принятъ туземный, подъ наблюденіемъ вожakovъ, большею частью самихъ хозяевъ верблюдовъ или ихъ довѣренныхъ, которыхъ, по принятому туземному обычаю, имѣлось по одному на шесть верблюдовъ. Въ большинствѣ случаевъ, во избѣжаніе лишнихъ хлопотъ и суматохи, происходящей при разборкѣ верблюдовъ въ походѣ, принято было за

правило выдавать на каждую часть изъ штаба съ мѣста выступленія извѣстное число верблюдовъ на время всей экспедиціи на отвѣтственность начальниковъ частей. Распоряженіе это, избавляя штабъ отъ возни съ верблюдами, причинило въ походѣ много горя въ частяхъ, о чемъ подробно я буду говорить впослѣдствіи.

Большая доля нашего вниманія должна была сосредоточиваться на сбереженіи верблюдовъ, отъ которыхъ зависѣло все наше благосостояніе въ степяхъ. Наконецъ, въ началѣ марта полковникомъ Навроцкимъ было нанято на Мангишлакъ до 2,000 верблюдовъ, которыхъ, подъ прикрытіемъ роты самурцевъ, двухъ горныхъ орудій и вѣренной мѣѣ сотни, полковникъ Навроцкій долженъ былъ доставить въ Красноводскъ. Ожидали только пріѣзда Ломакина и его послѣдующихъ распоряженій.

II.

Служба казаковъ въ фортѣ Александровскомъ. — Военныя упражненія сотни. — Приготовленія къ походу. — Походъ и впечатлѣнія. — Воскресеніе Христова въ степи. — Заливъ Киндерли. — Безводное пространство. — Фальшивая тревога. — Смерть Касума. — Коса Кара-Сукуть. — Охота на зайцевъ. — Переправа черезъ проливъ Кара-Бугазъ. — Приближеніе къ Красноводску. — Встрѣча колонны генераломъ Ломакинымъ.

До сихъ поръ я еще не упомянулъ о той служебной роли, какую исполняла казачья сотня въ фортѣ Александровскомъ. Кромѣ ночныхъ разъѣздовъ до бухты и кругомъ крѣпости, другихъ нарядовъ вовсе не было, да и не имѣлось надобности.

Необходимость стоянки кавалеріи въ фортѣ могла мотивироваться только тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, которое вообще войска, стоявшія въ фортѣ, имѣли на киргизское населеніе. Въ народахъ, кочующихъ между Каспійскимъ и Аральскимъ морями, еще такъ свѣжо сохранились эпизоды возстанія 1871 и 1872 гг., Хивинскій походъ и его печальныя послѣдствія для всего туземнаго населенія края, что агитации со стороны туземцевъ едва-ли можно было предвидѣть. Впереди оставался только текинскій вопросъ, рѣшеніе котораго предпринималось въ самомъ недалекомъ будущемъ; поэтому двѣ сотни Лабинскаго полка, единственная въ то время кавалерія въ краѣ, могли принести въ предстоящей текинской экспедиціи ту громадную пользу, какая вообще въ военное время всегда выпадаетъ на долю казачьей кавалеріи. Слѣдовало только къ этому заблаговременно подготовить части. Лошади, какъ главная боевая сила кавалеріи, привлекли мое исключительное вниманіе въ смыслѣ сбереженія ихъ и подготовки къ будущей боевой дѣя-

тельности. При хорошемъ уходѣ, я не мало обращалъ вниманія на приученіе лошадей къ частому движенію, дѣлая для этого не менѣе трехъ разъ въ недѣлю военныя прогулки или конныя ученія, насканивая въ то же время лошадей джигитовкой или атаками всѣхъ видовъ.

Казаки этой сотни, неразбитые, какъ въ Закавказскомъ краѣ, по кордоннымъ постамамъ или мелкими командами въ распоряженіе полиціи, не могли развратиться въ разныхъ таможенныхъ и полицейскихъ продѣлкахъ, деморализирующихъ военного человѣка. Поэтому, имѣя много свободного времени, я имѣлъ въ то же время и полную возможность заняться развитіемъ тѣхъ богатыхъ военныхъ задатковъ, которыми такъ щедро одарены наши казаки. Разумѣется, я не упустилъ изъ вида случая вполне воспользоваться этимъ. Упражня казачковъ во все время пребыванія нашего въ фортѣ въ наѣздничествѣ, цѣльной стрѣльбѣ и аванпостной службѣ, я не оставлялъ безъ вниманія и умственного ихъ развитія; грамотность и письмо также не были на заднемъ планѣ, а урядники мои на столько познакомились съ глазо мѣрной съемкой, что къ концу года порядочно чертили кроки, чѣмъ въ послѣдствіи, въ экспедиціи, были намъ очень полезны.

Въ такихъ военныхъ упражненіяхъ прошелъ почти годъ до нашего выступленія въ походъ, съ которымъ совпадалъ и пріѣздъ въ фортъ генерала Ломанина.

14-го марта утромъ генералъ распростился съ войсками и съ населеніемъ, вышедшимъ поголовно пожелать ему счастливаго пути, и, поздравивъ самурцевъ и казачковъ съ походомъ, онъ, 25-го марта, отправился къ пристани, гдѣ въ бухтѣ давно дымился «Хивинецъ», уже готовый въ обратный путь. По заведенному изстари обычаю, мы проводили генерала съ джигитовкою и съ того же дня стали готовиться къ походу, до котораго оставалось ровно десять дней. Въ виду 20-ти-дневнаго похода въ Красноводскъ, мы приняли изъ продовольственного магазина все довольствіе на мѣсяцъ; кромѣ того, палатки, веревки для выюченія и 14 боченковъ для воды, въ восемь ведеръ каждый, для безводныхъ переходовъ. На походъ боченки эти составляли всегда много замедленія при выюченіи. Для нихъ особенно приспособленъ былъ родъ двухъ креселъ (по туземному—хеджеве) которые перекидывались черезъ спину верблюда, и на которыхъ очень удобно перекладывались и увязывались боченки. Но кресла эти сами часто пугали верблюдовъ, часто ломались, вслѣдствіе чего разбивались и боченки; словомъ, возни по этому поводу было всегда довольно. Въ послѣдствіи, благодаря опыту, мы догадались оковывать хеджеве желѣзомъ и подъ эти выюки выбирали самыхъ смирныхъ верблюдовъ. Самурская рота и два горныхъ

орудія отправились на военной шкунѣ «Персіянинъ» 20-го марта до залива Киндерли, на половинѣ пути къ Красноводску, т. е. ровно въ 300 верстѣ отъ форта, гдѣ и должны были ожидать нашего прибытія, чтобы далѣе слѣдовать уже вмѣстѣ. Распоряженіе это дѣлалось въ виду того, что въ степяхъ сѣверной части края, т. е. до залива Киндерли, какъ караваны, такъ и кочевья турменъ никогда почти не подвергаются нападенію текинцевъ, между тѣмъ какъ далѣе къ югу, и особенно въ окрестностяхъ Красноводска, текинцы, не стѣсняясь дальностью разстоянія, часто грабятъ и разоряютъ аулы преданныхъ намъ турменъ. Поэтому, чѣмъ ближе подходили мы къ Красноводску, тѣмъ больше принималось военныхъ предосторожностей, во избѣжаніе нападеній текинцевъ, которые, зная уже, конечно, о предстоящемъ появленіи у нихъ русскихъ войскъ, не замедлили бы предупредить насъ нечаяннымъ нападеніемъ и отнятіемъ верблюдовъ. Этой тактики текинцы придерживались въ продолженіе всей войны съ нами, что и подтвердилось впоследствии многими подобными фактами.

И такъ, дабы не изнурить солдатъ бесполезнымъ трехъ-сотъ-верстнымъ переходомъ, сухимъ путемъ, до залива Киндерли, генералъ Ломакинъ распорядился перевезти самурскую роту до залива на военной шкунѣ, которую для этого и прислалъ изъ Красноводска. Пользуясь этимъ случаемъ, на шкунѣ «Персіянинъ», везшей самурцевъ, отправлена была половина нашего продовольствія, а также и бочки, въ которыхъ до Киндерли не имѣлось надобности, такъ какъ на этомъ пути находились колодцы съ довольно сносной водой, а большихъ переходовъ безъ воды вовсе не было.

Послѣ отправки самурцевъ и орудій намъ оставалось всего четыре дня до выступленія. Наканунѣ его, смотритель продовольственного магазина, Ч—въ, сдѣлалъ намъ прощальный вечеръ, на который и пригласилъ все наше общество. Отправивъ на другой день, 24-го марта въ семь часовъ утра, всѣхъ нанятыхъ для экспедиціи верблюдовъ и наши выюки и отслуживъ молебень, мы выступили въ девять часовъ, провожаемые нашими добрыми знакомыми, которые не забыли еще разъ угостить насъ за три версты на пути отъ форта. День былъ сѣреный, прохладный; лошади шли бодро и даже горячились, идя слѣдомъ за полковникомъ Навроцкимъ, который ѣхалъ на прекрасномъ киргизскомъ иноходцѣ. Возлѣ Навроцкаго ѣхало человекъ пять киргизовъ съ его значкомъ изъ черной шелковой матеріи съ изображеніемъ Адамовой головы, вышитой серебрянымъ галуномъ, а еще въ 200 шагахъ впереди вся киргизская милиція. Что касается этой команды, то она никакъ не могла выдерживать строя справа по три, и киргизы то сбивались

въ отдѣльныя кучки и отставали отъ колонны, то, разсѣиваясь по степи, съ гикомъ обгоняли другъ друга, гарцуя и испытывая рѣзвость своихъ лошадей. Многіе изъ всадниковъ очень ловко на карьерѣ фланкировали никами. Эти потѣхи повторялись на каждомъ переходѣ, причемъ лошади ихъ не знали устали, а случаевъ паденья всадниковъ совсѣмъ не было. Къ двумъ часамъ мы дошли до перваго колодца Сага-Будукъ, въ трехъ верстахъ отъ морскаго берега, гдѣ и стали на ночлегъ, сдѣлавъ въ этотъ день 30 верстъ. Вдали слышался прибой волнъ; кругомъ никакого жилья, — унылая степь съ песчано-каменистымъ грунтомъ и никакой растительности, кромѣ мелкаго сѣренькаго полыня, который, какъ будто, придавалъ степи еще болѣе грустный колоритъ.

Чтобы съ перваго дня не томить лошадей безъ сѣна, а исподоволь приучать ихъ къ лишенію этого существеннаго продукта, я, вопреки, существующему въ закаспійскихъ походахъ порядку не брать съ собой для кавалеріи сѣна, кое-какъ успѣлъ выпросить еще десять верблюдовъ подъ сѣно, каковое въ количествѣ 100 пудовъ и везлось съ нашимъ транспортомъ въ веревочныхъ сѣткахъ, какъ это принято у туземцевъ. Затѣмъ, я распорядился давать сѣно только на ночь не болѣе пяти фунтовъ на лошадь, съ примѣсью полыня, составляющаго постоянную пищу киргизскихъ лошадей. Все это при четырехъ гарницахъ овса было бы достаточно для сбереженія силъ лошадей, если бы такъ могло продолжаться во все время похода, но, къ сожалѣнію, это было ни болѣе ни менѣе, какъ только переходная мѣра для приученія лошадей обходиться вовсе безъ сѣна, котораго ни за какое золото нельзя было достать въ кочевьяхъ племенъ всего края. Взятаго же съ собой сѣна могло хватить только на нѣсколько дней, и затѣмъ, такъ или иначе, лошади должны были поневолѣ довольствоваться единственнымъ степнымъ кормомъ — полынемъ. Большая часть лошадей, преимущественно кабардинскихъ, долго скучала безъ своего роднаго корма, и, пренебрегаѣя полынемъ, по ночамъ ржала и билась на коновязи. Такія лошади тощали и дѣлались поджары, какъ борзые собаки, такъ какъ овесъ, даваемый имъ отъ четырехъ до пяти гарнцевъ въ сутки, сохраняя бодрость и силу, не могъ удовлетворить натуральной потребности грызть по ночамъ сѣно. Только вслѣдствіе продолжительныхъ походовъ и совершеннаго отсутствія кавказскаго сѣна, черезъ два, три мѣсяца лошади всей сотни, уже безъ исключенія, помирились съ полынемъ, питательность котораго оказала свое дѣйствіе не хуже нашего сѣна. Повсемѣстный солонцеватый вкусъ колодезной воды на всемъ пути до Красноводска, за исключеніемъ немногихъ переходовъ, нисколько не казался намъ приторнымъ, ибо за годъ нашего пребыванія въ фортѣ Александровскомъ мы успѣли

привыкнуть къ водѣ этого свойства. И если такая вода была не всёмъ вкусна для питья, то для чая и варки пищи оказывалась довольно пригодною. Что же касается лошадей, то онѣ пили ее съ большимъ удовольствіемъ, тѣмъ прѣснѣе.

Только ближе къ Красноводску и далѣе къ югу, какъ увидимъ въ послѣдствіи, попадались колодцы съ водою, которая оказывалась непригодною во всѣхъ отношеніяхъ: горько-соленая, вонючая съ примѣсью всякихъ солей, она во всѣхъ видахъ зловердно дѣйствовала на желудокъ. Встрѣчались подчасъ такіе колодцы, изъ которыхъ не пили даже лошади или же, мучимыя жаждою, напивались, а затѣмъ страдали поносомъ.

Поэтому, будучи заранѣе предупреждены объ этихъ невзгодахъ, мы еще въ фортѣ запаслись фильтрами, суконными мѣшками и угольями для очищенія воды.

Кромѣ того, у насъ имѣлась и своя аптека, какъ для людей, такъ и для лошадей, съ лекарствами, которыя приходилось расходовать отъ послѣдствій воды особенно на походѣ ближе къ Текинскому оазису. До Красноводска мы шли довольно бодро; больныхъ вообще было мало, но за то горе было тѣмъ немногимъ заболѣвшимъ, которымъ, за неимѣніемъ другаго обоза, приходилось качаться на верблюдахъ. Мы продолжали нашъ путь все при однихъ и тѣхъ же условіяхъ мѣстности отъ одного колодца къ другому, дѣлая 30 — 40 верстъ въ день то по берегу моря, то удаляясь нѣсколько, не теряя его всёмъ изъ вида. Такъ, мы ночевали у колодцевъ Тюль-Кулю, Кали-пе и наканунѣ Свѣтлаго-Христова Воскресенія пришли на дневку къ Акъ-Испе, лежащему въ 50-ти саженьяхъ у морскаго берега. Въ виду такой встрѣчи Свѣтлаго праздника, мы запаслись изъ форта пасхами и красными яйцами. Было что-то исключительно странное и печальное въ привѣтствіи другъ друга словами «Христосъ Воскресе» при туманной погодѣ, у дикаго берега въ виду бующихъ волнъ. Для оживленія праздника были вызваны пѣсенники, но и у нихъ какъ-то не клеилось, и только къ вечеру казаки, настроенные на веселый ладъ третьей чаркой водки, разговорились между собой. Подъ конецъ между ними затѣялось даже что-то въ родѣ маскарада. Явились шутники, переряженные бабами, и устроились отечественные танцы — казачекъ и лезгинка — подъ звуки незатѣйливаго оркестра, состоящаго изъ дудки съ хоровымъ пѣніемъ.

На другой день мы тронулись дальше, останавливаясь на ночлеги по маршруту у колодцевъ Урь-Пекъ, Улу-Кую, Хаджи-Ниязъ, Апахъ и Пореу-Бурунъ до залива Биндерли.

Погода продолжала стоять пасмурная; стали перепадать дожди съ холоднымъ вѣтромъ. Мы вступили на территорію туркменъ, и кое-гдѣ у берега моря нарѣдка попадались одинокія кибитки туркменъ-рыболововъ. Эти кибитки, какъ нельзя болѣе встать, не разъ служили намъ убѣжищемъ отъ ненастной погоды. Тамъ, у огня, разложеннаго посреди кибитки, мы согрѣвались чаемъ и лакомились свѣжею бѣлужьею ухой. Но подобныя отрадные пріюты встрѣчались рѣдко, и мы большею частью мокли въ степи подъ дождемъ на походѣ или на ночлегахъ спасались отъ вѣтра въ мокрыхъ палаткахъ. Въ нашемъ благополучіи, недостатка въ продовольствіи не было. Всякаго запаса было взято изъ форта въ достаточномъ количествѣ. Киргизы вездѣ добывали намъ превосходныхъ барановъ, покупая ихъ впрочемъ весьма дорого въ кочевьяхъ туркменъ. Вода въ колодцахъ пока была вездѣ порядочная; люди не болѣли; лошади хотя и перепали, но были бодры. Такъ мы прошли отъ форта Александровскаго слишкомъ 300 верстъ до залива Киндерли, гдѣ давно уже насъ ожидала самурская рота со взводомъ горной артилеріи.

Заливъ Киндерли служилъ стратегическимъ пунктомъ въ Хивинскомъ походѣ съ 1872 по 1873 гг., а также и складочнымъ мѣстомъ продовольствія войскъ. Заливъ собственно по своему мелководію не представляетъ удобствъ для стоянки судовъ и самъ онъ образуется длинной узкой песчаной косой, которая, выдавшись на двѣ версты въ море, загибается еще на протяженіи трехъ верстъ къ сѣверу почти параллельно берегу. Коса эта, какъ и самый заливъ, славится рыбной ловлей и служить туркменамъ самымъ выгоднымъ пунктомъ этого промысла. Но во время нашего пребыванія ловли совсѣмъ не было, и кругомъ царила та же тишина и пустота, съ которыми мы не разставались отъ самаго форта Александровскаго, и только у береговъ залива мѣстность измѣнялась нѣсколько.

Лагерь нашъ расположился у подножія скалистыхъ горъ, въ 1¹/₂ верстахъ отъ берега моря, на равнинѣ, мѣстами покрытой молодымъ зеленымъ камышемъ, особою и болотистыми озерами, гдѣ то и дѣло слышался свистъ куликовъ и чириканье бекасовъ. Для меня это былъ настоящій сюрпризъ, которымъ я не замедлилъ воспользоваться, настрѣлавъ въ тотъ же день десятокъ этой лакомой дичи.

На другой день, дневка не могла доставить мнѣ болѣе наслажденія охотиться: поднялся сильный вѣтеръ, разыгравшійся къ ночи въ страшный ураганъ съ песчаной метелью. За ночь порвало всѣ палатки и къ утру, при утихшей погодѣ, лагерь нашъ представлялъ собою какой-то разоренный, кочующій таборъ, полузасыпанный пескомъ. Тѣмъ не менѣе, надо было собираться въ дальнѣйшій путь, и мы принялись

вызвать верблюдовъ съ акомпаниментомъ обычнаго рева этихъ животныхъ, особенно разнообразномъ при процесѣ выюченія. Всѣ верблюды, заготовленные для экспедиціи, числомъ около 2,000, съ ранняго утра потянулись по тропинкѣ на гору по одному гуськомъ, потомъ тронулись наши выюки и наконецъ, къ 10-ти часамъ,—рота, взводъ горной артилеріи и сотня. Другой дороги на скалистую гору отъ Киндерли не было, а потому поневолѣ пришлось болѣе двухъ часовъ любоваться вереницею верблюдовъ, медленно и важно шагавшихъ на гору. Намъ предстоялъ ночлегъ безъ воды, за 40 верстъ отъ Киндерли, въ сторонѣ отъ моря верстъ шесть, между мусульманскими кладбищами Темуръ-Баба и Тамлы, а затѣмъ оттуда еще 46 верстъ до колодца Бузатъ. Само собою разумѣется, что въ виду безводья всѣ боченки и баклаги были налиты въ Киндерли, благодаря чему люди въ этомъ безводномъ пространствѣ были обеспечены водой. Лошадямъ же предстояло первое тяжелое испытаніе двухдневной жажды. Поэтому, по общему согласію, въ Киндерли рѣшено было раздать людямъ на мѣстѣ вареное мясо, суточную порцію впередъ, а на ночлегъ обойтись безъ горячей пищи, довольствуясь чаемъ и холодною закускою, для того, чтобы оставшійся запасъ воды раздать лошадямъ. Къ нашему благополучію, день былъ сѣренькій, прохладный и для лошадей не такъ изнурителенъ, какъ можно было ожидать, тѣмъ болѣе, что на ночлегъ на каждую лошадь хватило по ведру воды,—и, довольные этимъ обстоятельствомъ, мы безъ всякихъ приключеній прошли 86 верстъ безводнаго пространства до колодца Бузатъ. Но здѣсь насъ ожидало самое горькое разочарованіе: вода этого колодца оказалась безусловно негодною для питья. Ея горько-соленый, известковый вкусъ отзывался даже въ супѣ; приготовленный же изъ нея чай былъ просто отвратителенъ.

Но и тутъ киргизы выручили насъ. Въ двухъ верстахъ отъ нашего ночлега, они разыскали небольшой завалившійся колодезь, который живо и расчистили, извѣстивъ насъ о своемъ открытіи. Изъ этого колодца мы добыли превосходную воду, хотя, впрочемъ, въ небольшомъ количествѣ; но все-жъ ея хватило, чтобы приготовить чай для всего нашего отряда.

Менѣе же насъ разборчивыя лошади пили изъ колодца Бузатъ.

Погода окончательно установилась, и апрѣльское солнце давало уже себя чувствовать. Наши лица подъ влияніемъ весеннихъ вѣтровъ покрылись шелухою, носы-же—настоящею корой. На солнечномъ припекаѣ мы еще больше стали чернѣть. Но за то мы всѣ были здоровы. А это главное. Самурцы шли молодцами, не отставая отъ кавалеріи. Какъ въ ротѣ, такъ и въ сотнѣ цѣлый день раздавались пѣсни; люди имѣли

бодрый видъ и повидимому освоились съ степнымъ походомъ. Не болѣе двухъ, трехъ заболѣвшихъ желудками качались на верблюдахъ въ особо для этого устроенныхъ сидѣньяхъ (хеджеве) по бокамъ верблюда. Казаки особенно избѣгали этого походнаго лазаретнаго помѣщенія, предпочитая въ болѣзни потихоньку двигаться при транспортѣ на своей лошади, нежели качаться на верблюдѣ. За то бѣдные заболѣвшіе пѣхотинцы, сидя въ креслахъ, нестерпимой качкой только увеличивали свои страданія. Подобныя тяжелыя испытанія намъ пришлось видѣть и переносить особенно дальше за Красноводскомъ, а пока, бодрѣе тѣломъ и духомъ, безъ санитарныхъ пособій, мы подвигались впередъ.

Прийдя на ночлегъ къ колодцу Бекъ-Ташъ, мы только что разбили коновязь и, сваливъ выюки, занялись было чаемъ, какъ услышали со стороны пастбы верблюдовъ отчаянные крики о помощи. То кричали болѣе 300 человекъ вожakovъ-киргизовъ. У насъ, на бивакѣ, ударили тревогу. Не успѣла рота стать въ ружье, а мы—взять съ коновязи лошадей, какъ вся киргизская милиція съ пиками на перевѣсь и въ разсыпную понеслась на выручку къ верблюдамъ, которыхъ вожаки гнали, что было силъ, къ нашей милиціи, продолжая кричать по своему: «разбойники! Спаси Боже!» Мы пошли на рысяхъ на встрѣчу къ стаду верблюдовъ, и тотчасъ вожаки со страхомъ и впопыхахъ объявили намъ, что показались всадники-разбойники, которые будто-бы хотятъ отбить верблюдовъ. Мы тронулись дальше по указанному направленію, не видя кругомъ никакихъ признаковъ непріятеля.

Киргизская милиція давно исчезла; кругомъ горизонтъ былъ чистъ, и наконецъ изъ-за дальняго холма черезъ нѣсколько минутъ показались наши пикинеры. Это возвращались киргизы съ радостными взглядами, ведя за собой на арканахъ трехъ лошадей. Лошади эти, неизвѣстно откуда взявшіяся и скакавшія, подняли на горизонтѣ страшную пыль, чѣмъ и перепугали мирныхъ вожakovъ, вообразившихъ, что шайтаны (разбойники) намѣреваются напасть на верблюдовъ. Было довольно смѣха и горя, потому что началось серьезно, а кончилось комично. При этомъ не могу не отдать полной справедливости смѣтливости, единодушію и проворству киргизовъ, бросившихся моментально на выручку вожакамъ, которые, въ свою очередь, въ виду опасности, необыкновенно быстро собрали въ кучу 2,000 верблюдовъ, разсѣянныхъ по степи.

Здѣсь же, у колодца Бекъ-Ташъ, произошло другое, болѣе серьезное событіе. Къ утру другаго дня умеръ начальникъ киргизской сотни Касумъ. Потеря эта для начальства и для киргизовъ была дѣйствительно чувствительная, и эти послѣдніе въ Касумѣ лишились своего вѣрнаго

руководителя. Съ самаго Хивинскаго похода Касумъ служилъ переводчикомъ при управленіи Мангишлакскаго приставства. За свое усердіе и честность пользовался всегда полнымъ довѣріемъ начальства и черезъ это имѣлъ громадное и хорошее вліяніе на все киргизское населеніе края. Кромѣ того, какъ человекъ военный, Касумъ, въ роли начальника милиціи, былъ вполне на своемъ мѣстѣ. Онъ не разъ отличался удалствомъ и смѣтливостью при столкновеніяхъ съ непріятелемъ въ Хивинскомъ походѣ, за что и получилъ крестъ св. Георгія 4-й степени. По русски оцъ говорилъ превосходно. Между киргизами былъ изъ самыхъ вліятельныхъ и богатыхъ біевъ (дворянъ) и, дѣлая много добра для своихъ единоплеменниковъ, пользовался между ними большою популярностью и полнымъ авторитетомъ.

Вскорѣ по выступленіи нашемъ изъ форта Александровскаго, Касумъ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ но, крѣпясь, продолжалъ походъ верхомъ и, отвергая всѣ наши аптекарскія снадобья, пользовался леченіемъ киргизскаго знахаря, искусство котораго на сей разъ оказалось безсильнымъ. На утро, мы похоронили его съ военными почестями, подбавляющими какъ его сану, такъ и кавалеру св. Георгія. Онъ былъ спущенъ въ песчаную могилу при залпѣ ружей въ присутствіи всего отряда. Шесть мѣсяцевъ спустя, уже къ осени, родственники Касума перевезли его кости въ свои родовыя кочевья.

Должность Касума занялъ молодецъ киргизъ Иржанъ, — тоже георгиевскій кавалеръ и одинъ изъ героевъ Хивинскаго похода.

Отсюда намъ предстояло два перехода по узкой косѣ Кара-Сукумъ, отдѣляющей заливъ Кара-Бугазъ отъ моря. Коса эта на протяженіи 55-ти верстъ не имѣетъ болѣе двухъ верстъ ширины, а мѣстами суживается всего на полуверсту. Здѣсь, въ первый разъ, въ продолженіе всего похода, мы встрѣтили довольно обильную растительность относительно пройденнаго нами пути отъ форта. Кустарникъ саксаулъ, возвышаясь мѣстами до четырехъ аршинъ, былъ уже въ цвѣту, и хотя трава здѣсь росла рѣдко, и былъ тотъ же песчаный грунтъ, но, за неимѣніемъ лучшаго, послѣ двухъ-недѣльнаго странствованія по безплоднымъ степямъ, мы испытывали пріятное ощущеніе при видѣ и этой убогой растительности. Изъ-подъ ногъ лошадей поминутно срывались кролики мѣстной породы и зайцы. Нельзя было тутъ не устроить охоты. Зайцевъ на косѣ оказалось баснословное множество. Съ разрѣшенія начальства я развернулъ сотню лавою во всю ширину косы, самъ уѣхалъ за полверсты впередъ и, слѣзши съ лошади съ двухстволкою въ рукѣ, то и дѣло перебѣгалъ отъ одного кустарника къ другому, стрѣлая зайцевъ, которые, испугавшись неожиданнаго появленія гостей, топота ко-

ней и общихъ криковъ, удирали во всю прыть. Они летѣли и вправо, и влѣво, наскакивая на меня иногда по два и по три разомъ, — я едва успѣвалъ заряжать ружье. Киргизы со всѣхъ сторонъ гоняли испуганныхъ звѣрьковъ и на бѣгу кололи пиками тѣхъ, которые уставали бѣжать. Гамъ и радость были общія. Потѣха эта продолжалась цѣлый день на разстояніи 37-ми-верстнаго перехода до колодца Адчи-Алма. Всего всадниками было загнано и убито до полсотни зайцевъ. Для казаковъ это былъ настоящій праздникъ. Послѣ такого веселья сотня угощалась ужиномъ изъ заячьей похлебки. Не знаю, почему киргизы пренебрегли зайцами и отдали ихъ казакамъ, которые, пренебрегая въ свою очередь бараниной въ этомъ случаѣ, охотно промѣняли ее на вкусную дичь. Самурская рота тоже не упустила случая настрѣлять зайцевъ. Послѣ такого событія всѣ были въ веселомъ настроеніи, и разговоры на нашемъ бивакѣ въ этотъ вечеръ длились долѣе обыкновеннаго.

На другой день повторилась та же потѣха и такимъ образомъ послѣ двухъ-дневнаго *partie de plaisir* мы достигли пролива Кара-Бугазъ. Здѣсь насъ ожидалъ чиновникъ изъ Красноводска, присланный генераломъ Ломакинымъ съ порученіемъ завѣдывать переправой, для которой заблаговременно было приготовлено десять туркменскихъ лодокъ. Дождавшись прихода вьюковъ, послѣ двухъ часовъ отдыха, переправа быстро началась. Вся ширина этого пролива имѣетъ не болѣе 200 сажень. На большихъ туркменскихъ лодкахъ отправились сначала пѣхота, артилерія, весь нашъ багажъ и наши сѣдла, а затѣмъ стала переправляться сотня, держа за поводья плывущихъ лошадей; верблюдовъ просто гнали въ воду, и они сами направлялись къ противоположному берегу. Къ вечеру переправа кончилась самымъ благополучнымъ образомъ. Было тихо и тепло. На ночлегъ мы отошли къ колодцу Оразъ-Сакаръ (за четыре версты отъ залива), гдѣ и остались на дневку.

Было 10-е апрѣля. Становилось жарко; кругомъ трещали насѣкомыя; цвѣтъ саксаула пріятно щекоталъ обоняніе, а тихое море съ своею зеркальною поверхностью такъ и манило купаться. Хотя температура воды была не болѣе 12°, но киргизы, разсыпавшись по берегу, съ визгомъ и крикомъ бросались въ воду, гдѣ и кувыркались подобно дельфинамъ. Солдатамъ же и казакамъ было строжайше запрещено купаться; хотя, впрочемъ, нѣкоторые изъ офицеровъ рѣшились попробовать холодную морскую ванну, но дурныхъ послѣдствій, слава Богу, не оказалось. Тутъ же, на дневкѣ у колодца Оразъ-Сакаръ, мы встрѣтили цѣлое населеніе туркменъ, состоявшее изъ 50-ти кибитокъ, и, разумѣется, были приглашены старшиною въ гости. Тутъ же, въ селеніи, мы достали

яицъ, молока и свѣжихъ чурековъ (пшеничныя лепешки), за которые гостепріимный старшина, предлагая эти припасы въ угощеніе; запретилъ жителямъ брать деньги, и только послѣ нѣкоторыхъ увѣщаній мы убѣдили туркменъ, а особенно женщинъ, взять отъ насъ серебряныя монеты въ видѣ пешкеша (подарка).

Далѣе, 11-го апрѣля, мы ночевали у колодца въ Карши, — такъ называется мѣсто на самомъ берегу моря, — гдѣ мы сами добывали себѣ превосходную воду, вырывая въ песокъ ямы не болѣе трехъ аршинъ глубины.

По маршруту до Красноводска оставалось три дня похода, всего 85 верстъ, которыя Навроцкій рѣшилъ пройти въ два дня, т. е., переночевать у колодца Эсентъ-Кули, въ 35-ти верстахъ отъ Карши, а оттуда, миновавъ колодезь Кошакъ-Ирлы, прямымъ путемъ пройти въ Красноводскъ, сокративъ такимъ образомъ путь на десять верстъ; и такъ, намъ предстояло сдѣлать 75 верстъ въ два дня и прійти въ Красноводскъ 13-го апрѣля, однимъ днемъ раньше противъ маршрута. 12-го апрѣля мы ночевали у колодца Эсентъ-Кули, гдѣ въ первый разъ за весь нашъ путь отъ форта Александровскаго до Красноводска встрѣтили такую воду, отъ которой всѣ мы — исключая киргизовъ — поголовно испытали желудочныя явленія самаго расслабляющаго свойства. Будучи заранѣе предупреждены о вредномъ дѣйствіи этой воды, мы имѣли запасъ ея съ предыдущаго колодца и, кромѣ того, приняли всѣ мѣры для избѣжанія употреблѣть ее въ натуральномъ видѣ. Но, не смотря на все это, вода этого колодца, хорошая на вкусъ, даже въ отваренномъ видѣ, въ чаѣ и супѣ, произвела свое дѣйствіе. Оставшіяся 40 верстъ намъ пришлось, для сокращенія пути, пройти по убійственной мѣстности, особенно трудной для вьюковъ. Оставя вправо колодезь Кошакъ-Ирлы и такимъ образомъ удаляясь отъ моря, мы очутились въ скалистой, совершенно дикой мѣстности, напоминающей развѣ только каменистую Аравію. Нѣсколько разъ приходилось подыматься и снова спускаться по крутымъ каменнымъ уступамъ въ одинъ конь и пѣшими, и наконецъ, при послѣднемъ спускѣ, передъ нами изъ-за скалъ показались первыя крыши Красноводскихъ казармъ.

Походъ этотъ отъ форта Александровскаго до Красноводска — 608 верстъ — былъ совершенъ нами въ 20 дней съ тремя дневками вѣлочно. Срокъ этотъ для всякаго рода войскъ, не исключая и кавалеріи, могъ бы считаться форсированнымъ, если-бы въ Закаспійскомъ краѣ не было установлено правило — не тратить времени на лишніе дневки у колодцевъ дурнаго свойства при страшной жарѣ и другихъ мѣстныхъ гигиеническихъ неудобствахъ, изнуряющихъ войска и вмѣстѣ

съ тѣмъ еще сильнѣе дѣйствующихъ на нравственный упадокъ военнаго духа.

По приходѣ въ Красноводскъ у меня въ сотнѣ больныхъ людей оказалось трое—всѣ желудочными припадками. Лошади хотя и подтянулись и стали тонки, но худыхъ собственно не было и изъ нихъ только одна захромавшая. Запаленныхъ вовсе не было. За то ссадненныхъ, съ побитыми спинами, оказалось 12. Это послѣднее обстоятельство меня очень огорчало, тѣмъ болѣе, что къ устраненію его подъ руку не имѣлось никакихъ средствъ, ибо причина этого зла заключалась въ дурныхъ сѣдельныхъ ленчикахъ (арчакахъ), грубой работы доморощенныхъ станичныхъ мастеровъ. Эта независящая отъ меня причина заставила меня сознать свое безсиліе въ семъ важномъ кавалерійскомъ неудобствѣ, къ устраненію котораго въ районѣ Кубанскаго войска не было принято должныхъ мѣръ. При приближеніи къ Красноводску дали знать о выѣздѣ къ намъ на встрѣчу генерала Ломакина. Только что мы построились въ походныя колонны, какъ показался верхомъ генералъ со своимъ штабомъ и со многими любопытными командирами и офицерами разныхъ частей войскъ. Генералъ остался очень доволенъ бодрымъ видомъ сотни, роты и артиллеристовъ, а еще болѣе киргизскою милиціею и, въ особенности, доставкою верблюдовъ. Да и какъ было не радоваться, глядя на транспортъ 2,000 свѣжихъ и сильныхъ киргизскихъ верблюдовъ, готовыхъ къ Ахаль-Текинской экспедиціи именно тогда, когда турмены не могли снабдить ими отрядъ; а между тѣмъ безъ верблюдовъ немислимы никакія военныя предпріятія въ степяхъ Средней Азіи.

М. Арнольдн.

(Продолженіе будетъ).

ВЪ ЗАКАСПІЙСКОМЪ КРАѢ ВЪ 1877 ГОДУ.

(Воспоминанія офицера).

(Окончаніе) (¹).

III.

Наружный видъ Красноводска.—Встрѣча нашего отряда.—Общество и клубъ.—Жизнь въ Красноводскѣ.—Приготовленія къ походу.—Составъ отряда.—Выступление.—Колодцы.—Урочище Мулла-Кари и Михайловскій заливъ.—Путь до Ахалъ-Теке.—Степныя невзгоды.—Кабаны, куланы.

Впечатлѣніе, какое произвелъ на насъ Красноводскъ, было самое благопріятное. Большія каменные зданія казармъ, штаба и особенно домъ начальника края выдѣлялись отъ остальныхъ построекъ своею величиною и красивою наружностью; какъ они, такъ и множество другихъ построекъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, и лавки всѣ выстроены изъ мѣстнаго камня. На площади находилась деревянная церковь новѣйшей архитектуры. Улицы прямыя и, благодаря каменистой, не допускающей грязи, мѣстности,—городъ имѣетъ видъ чистенькій. Будучи расположенъ отъ бухты амфитеатромъ, Красноводскъ съ моря кажется весьма красивымъ, а постоянное пребываніе военныхъ судовъ въ бухтѣ оживляетъ городъ. Насъ встрѣтилъ хоръ военной музыки и множество любопытныхъ обывателей, исключительное вниманіе которыхъ было обращено только на киргизовъ. Ихъ островонечныя съ наушниками шапки (малахан), камышевыя пики, пестрота одежды и лошадей, изъ коихъ много было пѣгихъ, произвели самое оригинальное впечатлѣніе на жителей, видѣвшихъ въ первый разъ киргизовъ. Шестая сотня отъ нашего полка и казачья разетная команда, квартирующіе въ Красноводскѣ, сдѣлали намъ, однополчанамъ, братскую встрѣчу. Командиръ сотни войско-

(¹) См. «Военный Сборникъ», 1885 г., № 9-й.

вой старшина (маіоръ), С—въ съ своими офицерами, тотчасъ-же, прямо съ похода, пригласилъ насъ обѣдать. То же самое сдѣлали и казаки шестой сотни, угостивъ въ этотъ день своихъ собратьевъ пятой сотни. Вечеромъ мы отправились въ клубъ, на терасѣ котораго играла музыка. Видъ съ терасы на городъ и бухту съ находящеюся въ ней флотиліею былъ весьма живописенъ. Красноводскій клубъ—это большое зданіе съ отлично расположенными просторными комнатами, прекрасно меблированными: столовою, биліардною, нѣсколькими игорными комнатами, двумя гостинными и наконецъ громадною танцевальною залою съ хорами и сценою въ концѣ залы. Въ клубѣ мы встрѣтили большое общество военныхъ всѣхъ родовъ оружія, между коими особенно выдѣлялись моряки, какъ самые интеллигентные. Семействъ офицеровъ, служащихъ въ Красноводскѣ, было много, а потому въ клубъ на вечера собиралось достаточно дамъ, почему и вечера эти всегда были удачны. За десять дней нашей стоянки въ Красноводскѣ мы успѣли приглядѣться къ тому, что матеріальныя условія его были до того стѣснительны, что дѣлали жизнь въ немъ невыносимою. Отсутствіе прѣсной воды, которую, для пищи, возили за десять верстъ, составляло главное неудобство жителей. Невыносимая жара въ городѣ, окруженномъ скалами, и известковая пыль затрудняли дыханіе. О свѣжихъ припасахъ и овощахъ не могло быть и рѣчи на этой бесплодной почвѣ. Два раза въ недѣлю пароходы изъ Баку доставляли немногимъ счастливицамъ ледъ и овощи въ самомъ маломъ количествѣ, а потому большая часть живущихъ довольствовались консервами. Опрѣснитель, устроенный у пристани, снабжалъ войска прѣсною водою до 7,000 ведеръ въ сутки приторнаго вкуса, и слишкомъ не достаточныхъ, чтобы удовлетворить потребность воды во время жаровъ. Начиная съ апрѣля мѣсяца вплоть до ноября, царствуетъ въ Красноводскѣ невыносимая жара и полная засуха, а дожди, кромѣ зимнихъ мѣсяцевъ, бываютъ какъ явленіе исключительное.

Наконецъ, на 24-е апрѣля назначено было выступленіе отряда, который состоялъ изъ одного баталіона Апшеронскаго полка, одного Дагестанскаго полка, еще одной роты апшеронцевъ, роты самурцевъ, шести полевыхъ артилерійскихъ орудій, четырехъ горныхъ, двухъ сотенъ нашего Лабинскаго полка, сотни киргизской милиціи и сотни туркменъ. Итого въ составъ отряда вошло: два съ половиною баталіона пѣхоты, 10 орудій и четыре сотни, всего около 2,000; при чемъ нашъ вагенбургъ былъ увеличенъ 800-ми верблюдами, число которыхъ вмѣстѣ съ верблюдами, прибывшими изъ форта Александровскаго, доходило до 3,000. Съ этими перевозочными силами, 24-го апрѣля, отрядъ нашъ выступилъ изъ Красноводска по слѣдующему распредѣленію. Вся пѣхота, по-

левые орудія и тяжести отправлены были моремъ до Михайловскаго залива на военныхъ судахъ, конхъ, въ распоряженіи генерала Ломакина, находилось шесть. Вся кавалерія, четыре горныхъ орудія, милиція, артилерійскія лошади и верблюды пошли берегомъ къ Михайловскому заливу въ урочище Мулла-Кари, гдѣ долженъ былъ сосредоточиться весь отрядъ. Полковникъ Навроцкій былъ назначенъ начальникомъ этой колонны, двигавшейся сухимъ путемъ до Мулла-Кари, 115-ти-верстнаго почти безводнаго пространства, такъ какъ на всемъ этомъ пути находился только одинъ колодезь прѣсной воды, остальные же колодцы содержали такую воду, которую даже и лошади, только въ крайности, пили съ большимъ усиліемъ. Въ виду этого, мы запаслись въ Красноводскѣ водою на весь путь. Жара стояла въ 32 градуса въ тѣни и около 40 на солнцѣ. Первый переходъ, въ 25 верстъ, до колодца Кургду-Куясъ порядкомъ измучилъ лошадей, которымъ пришлось вдобавокъ довольствоваться вонючею горькою водою. На второмъ переходѣ, въ 25 верстъ, у колодца Белекъ, вода оказалась еще отвратительнѣе на вкусъ, и ея послѣдствія отразились на всѣхъ лошадяхъ сильнѣйшимъ поносомъ; только верблюды не пренебрегали даже морскою водою. Наконецъ, послѣ третьяго слишкомъ 40-верстнаго перехода, мы пришли къ роднику Ушакъ. Ягманъ, находящемуся у подножія горъ Барханы, и здѣсь нашли такую прелестную воду, какой больше не встрѣчали уже на всемъ пути до самаго оазиса Ахаль-Теке. Къ сожалѣнію, родникъ Ушакъ-Ягманъ былъ не богатъ водою и надо было употребить не мало труда на разработку его, чтобы напоить 3,000 верблюдовъ.

Урочище Мулла-Кари, куда я прибылъ съ колонною 27-го апрѣля, выбранное генераломъ Ломакинымъ, какъ стратегическій опорный пунктъ, находится въ 25-ти верстахъ отъ Михайловскаго залива и представляетъ огромное пространство солончака, окруженнаго большими песчаными буграми, у подножія которыхъ рылись въ большомъ числѣ колодцы для отряда; воды было вволю прѣсной и весьма холодной, но ла столько вредной, что за три дня нашего пребыванія тамъ въ войскахъ уже начала развиваться діарея. Къ 1-му мая вся пѣхота и артилерія прибыли изъ Михайловскаго залива, и генералъ Ломакинъ, оставивъ роту апшеронцевъ для прикрытія въ Мулла-Кари склада провіанта, ячменя и прочихъ продуктовъ, 2-го мая двинулся со всѣмъ отрядомъ къ Ахаль-Текинскому оазису тѣмъ путемъ, по которому теперь проведена желѣзная дорога въ Ахаль-Теке.

Отсюда начался для отряда цѣлый рядъ тѣхъ испытаній, которымъ неминуемо приходится подвергаться вообще во всѣхъ степныхъ похо-

дахъ Средней Азіи и особенно Закаспійскаго края. Разумѣется, главными нашими невзгодами были жары и недостатокъ воды, почти на всемъ пространствѣ отъ Мулла-Кари до первой текинской крѣпости Кизиль-Арватъ.

Воды не только не хватало верблюдамъ, но и лошадямъ. По причинѣ наступившей засухи колодцы иссякали или оказались большею частью завалившимися отъ времени. Приходилось вездѣ ихъ расчищать и кое-какъ обходиться тѣмъ малымъ количествомъ воды, которую они давали въ это жаркое и сухое время. Поэтому былъ отданъ приказъ по отряду допускать къ колодцамъ прежде всего людей, а затѣмъ артилерійскихъ лошадей, потомъ казачьихъ и наконецъ верблюдовъ, вслѣдствіе чего этимъ послѣднимъ пить почти не приходилось или въ самомъ маломъ количествѣ—одинъ разъ въ двое или трое сутокъ. Почти во всѣхъ колодцахъ воды было такъ мало, что ея хватало только на одинъ баталіонъ, а иногда на одну роту, и приходилось дожидаться по нѣсколько часовъ, пока наберется снова вода для другой части войскъ.

Не смотря на преимущество, отдаваемое артилерійскимъ лошадямъ, все-таки, при такомъ маломъ количествѣ воды, имъ приходилось пить всего разъ въ сутки. Между тѣмъ какъ казачьи лошади, довольствующіяся только каплями воды, остающимися послѣ всего отряда, были всегда своевременно напоены и притомъ по нѣсколько разъ въ день. Наши смѣтливые казаки, нося въ котелкахъ воду для варки пищи и чая, изъ-подтишка пойли изъ нихъ своихъ лошадокъ, и никакія строгости, контроли дежурныхъ и часовыхъ у колодца не могли открыть этого злоупотребленія. Однакоже самыми практичными въ дѣлѣ водопоя оказались туркменская и въ особенности киргизская милиція. Находясь при отрядѣ, почти безъ надзора, то впереди для освѣщенія мѣстности, то на развѣдкахъ, то при транспортѣ, они всегда раньше отряда успѣвали пробраться къ колодцамъ и до прибытія отряда напоить всѣхъ своихъ лошадей, почему нерѣдко намъ доставалась послѣ нихъ или мутная вода, или приходилось ждать, пока набѣжитъ свѣжая. Подобныя выходы милиціи одинаково возмущали всѣхъ въ отрядѣ, но волею-неволею приходилось снисходительно мириться съ этимъ неудобнымъ обстоятельствомъ, дабы удержать при отрядѣ нашихъ единственныхъ проводниковъ-туземцевъ, которыхъ строгость дисциплины могла обратить въ бѣгство. Бѣдные наши верблюды, какъ я уже сказалъ, сильно страдали отъ недостатка водопоя, а потому по мѣрѣ нашего удаленія въ глубь страны начали болѣть и падать въ изрядномъ количествѣ. Если присоединить къ недостатку воды большіе переходы по песку, 40-градусный зной и скудость подножнаго корма, то становится

понятнымъ то изнурительное дѣйствіе, которое приходилось испытывать войскамъ въ заваспійскихъ походахъ.

На маршѣ болѣе всего было возни съ артилеріею. Раскормленные артилерійскія лошади, не приученныя заблаговременно къ этому походу, безпрестанно останавливались на пескахъ, задыхаясь отъ жара; въ это время четыре изъ нихъ издохло и пришлось примѣнить на практикѣ припряжку казачьихъ лошадей въ орудія. Изъ моей сотни пять лошадей на время были отданы въ артилерію. Лошади киргизской милиціи и здѣсь оказали большую услугу. Такъ какъ у киргизовъ нѣлось еще изъ форта много запасныхъ лошадей, то капитанъ Т—въ, командиръ батареи, купилъ у киргизовъ нѣсколько лошадей, которыя сразу и безъ малѣйшаго норова бодро и весело пошли въ упряжь орудій и зарядныхъ ящиковъ. Труднѣйшій переходъ артилеріи былъ черезъ старое русло Аму-Дарьи. Здѣсь всѣмъ пришлось поработать. Вязкое и глинистое дно бывшей рѣки отъ зимнихъ дождей еще не успѣло высохнуть, орудія страшно вязли въ этой рыхлой почвѣ, а поѣтому пришлось употребить всю пѣхоту для вытаскиванія ящиковъ и орудій. Кромѣ того, на нашемъ новомъ пути часто встрѣчались рытвины и овраги, черезъ которые опять-таки для артилеріи приходилось разрабатывать дорогу. Для выигрыша времени и для того, чтобы не изнурять слишкомъ пѣхоту, въ казачьи сотни были розданы шанцевые инструменты, и такимъ образомъ отъ сотенъ сформированы саперныя команды, которыя, подъ моимъ наблюденіемъ, отправлялись за дѣвѣ—три версты впередъ и успѣвали къ приближенію отряда исправлять для артилеріи дорогу, отправляясь вслѣдъ затѣмъ на рысяхъ далѣе для послѣдующей разработки колесной дороги.

Такъ какъ не имѣлось спѣшности въ принятой экспедиціи, то отрядъ нашъ двигался медленно, останавливаясь на ночлегахъ со всѣми предосторожностями военного времени по способу, исключительно принятому въ походахъ Средней Азіи.

На ночлегахъ лагерь разбивался правильнымъ четырехугольникомъ. Пѣхота—по фасамъ, въ промежуткахъ орудія, за пѣхотою становилась кавалерія. Кругомъ всего лагеря складывались вьюки провіанта цѣлаго отряда, образуя, такимъ образомъ, брустверь изъ мѣшковъ, могущій въ крайности предохранить отрядъ отъ нечаяннаго нападенія текинцевъ, къ которому они весьма склонны. Днемъ на пастбу верблюдовъ высылались рота и взводъ казаковъ. На ночь всѣхъ верблюдовъ, числомъ до 3,000, укладывали въ середину караула нашего лагеря рядами въ самомъ симметричномъ порядкѣ, и кроткія, но глупыя животныя лежали всю ночь, не двигаясь, до утра, за исключеніемъ внезапнаго испуга,

что впрочемъ случалось очень рѣдко. Въ послѣднемъ случаѣ верблюды всё разомъ подымались какъ по командѣ, производя при этомъ глухой шумъ будто отъ сорвавшегося порыва вѣтра. Ревъ при укладкѣ верблюдовъ на ночлегъ, а особенно при выючаньи ихъ утромъ, подымался вопиющій, запахъ отъ нихъ въ лагерѣ и въ душную ночь стоялъ невыносимый, особенно отъ такихъ, у которыхъ отъ дурнаго выюченья портились спины. Прямѣромъ бодрости, выносливости и терпѣнія въ невзгодамъ степнаго похода могли служить намъ офицеры и солдаты Апшеронскаго и Дагестанскаго баталіоновъ, которые, находясь въ Красноводскѣ съ 1874 года, дѣлали каждый годъ экспедиціи съ генераломъ Ломакинымъ внутрь страны, изумляя начальство своею геройскою молодцеватостію. Баталіоны эти, особенно Апшеронскій, ходили просто по Суворовски. Въ 40 градусовъ жары и послѣ 40-верстнаго перехода баталіонъ подходилъ къ ночлегу съ пѣснями и пляскою. Скоро и казаки наши освоились съ походомъ на столько, что въ бодрости не уступали солдатамъ. Замѣчательно, что за три почти года моего пребыванія въ закаспійскихъ походахъ я не помню, чтобы я слышалъ когда-либо между нижними чинами ропотъ на тѣ лишенія, которыя пришлось имъ испытать во время этихъ, въ высшей степени тяжелыхъ, походовъ.

Такимъ образомъ, мы продолжали двигаться въ глубь страны по колдцамъ Кутоль, Таиръ, Айдинъ и другимъ и, оставивъ за собой хребетъ Барханы, перешли старое русло Аму-Дарьи, дошли до дождевыхъ ямъ Каплана и Куртуна съ сѣверной стороны, въ виду оазиса Ахаль-Теке. Вдали синѣлъ хребетъ Копетъ-Дагъ; насъ окружала та же пустыня, но характеръ природы уже нѣсколько измѣнился. Вмѣсто непрерывныхъ песковъ встрѣчались большіе солончаки и дождевыя озера, кое-гдѣ вмѣсто вѣчнаго саксаула попадался камышъ, но особенное вниманіе наше было привлечено стадами кулановъ—туземное названіе дикихъ ословъ—свѣтло-буланой масти съ чернымъ ремнемъ вдоль спины, называемыхъ въ зоологіи *Джигетай*. Стада эти поднимали на горизонтѣ страшную пыль и не разъ обманывали пикетныхъ казаковъ, принимавшихъ эти стада за непріятельскую кавалерію, такъ что по случаю появленія кулановъ въ отрядъ было даже двѣ фальшивыя тревоги.

Киргизы, охотники до лошадиного мяса, очень усердно преслѣдовали кулановъ, но поймать или убить взрослого кулана не было никакой возможности, поэтому они изобрѣли на это животное весьма оригинальный способъ охоты, а именно: они гнались за стадомъ до тѣхъ поръ, пока маленькіе жеребята, измученные продолжительною гонкою, отставали отъ матерей и, не будучи въ силахъ слѣдовать за стадомъ, живыми попа-

дали въ руки киргизовъ. Такимъ образомъ, киргизы въ непродолжительномъ времени за безцѣное надѣлили многихъ офицеровъ отряда куланскими жеребятами. За три рубля мнѣ досталась ихъ пара; они тотчасъ дѣлаются ручными и очень забавны, но болѣе двухъ недѣль не выживляютъ, не смотря ни на какія мѣры выкармливанія ихъ. Я купилъ у маркитанта корову, рассчитывая этимъ способомъ выпонть своихъ куланчиковъ, но черезъ двѣ недѣли они захирѣли и въ короткое время въ отрядѣ перодохли всѣ жеребята.

Кромѣ того, для казаковъ въ Бапланѣ и Кутунѣ открылась преславная охота на дикихъ свиней. Совершенно неожиданно въ камышахъ на водопой мои казаки увидѣли свинью съ десятью поросятами. Начались крики восторга и преслѣдованія пѣшкомъ и верхомъ, и кончилась потѣха эта тѣмъ, что, возвращаясь съ водопоя въ лагерь, сотня изображала триумфальное шествіе, имѣя впереди нѣсколько всадниковъ съ поросятами, виагъ которыхъ произвелъ на отрядъ самое праздничное впечатлѣніе. Впослѣдствіи охота эта распространилась въ войскахъ въ большихъ размѣрахъ: солдаты, окруживъ камыши, били свиней по десяти штукъ въ одну охоту. Когда было запрещено стрѣлять въ отрядѣ, то казаки догоняли кабановъ верхами и рубили ихъ шапками. Кусокъ дюжей свинины, уже какъ разнообразіе пищи нашего походнаго стола, составлялъ своего рода рѣдкость и даже лакомство, потому что всегдашняя казенная порція баранины, чрезвычайно жирной, пріѣлась всѣмъ до приторности.

До первой текинской крѣпости Кизиль-Арвата оставалось 40 верстъ, которыя были нами пройдены въ два перехода. Генералъ ожидалъ встрѣтить депутацію съ заявленіемъ преданности и покорности русскому правительству. По предъидущимъ переговорамъ и письмамъ и вообще отношеніямъ старшинъ общины Кизиль-Арвата можно было болѣе или менѣе надѣяться на мирныя къ намъ отношенія текинцевъ, чего и добивался генералъ Ломакинъ, желая въ точности исполнить желаніе Государя Императора—избѣгать до послѣдней крайности боевыхъ столкновеній съ текинцами и дипломатическимъ способомъ достигнуть подданства ихъ русскому правительству. Послѣ чего экспедиція наша на этотъ разъ имѣла цѣлью основать у Кизиль-Арвата фортъ, который бы, открывая торговый путь на Хиву и Мервъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпечивалъ бы караваны отъ хищничества текинцевъ. Но мирная тактика съ послѣдними, какъ доказали военные событія съ 1877 по 1881 годъ, оказалась положительно невозможною. За все время бытности генерала Ломакина начальникомъ Закаспійскаго края, старшины текинскихъ общинъ и крѣпостей Кизиль-Арвата, Бами, Беурма, Арча-

мана, Георгъ-Тепе и другихъ, разсыпались въ увѣреніяхъ преданности къ русскому правительству, лѣстили, обѣщали все, что угодно, получали богатые подарки, деньги и уѣзжали, а потомъ обманывали самымъ наглымъ образомъ, дѣлая набѣги на мирныхъ туркменъ, которыхъ немилосердно грабили, даже въ окрестностяхъ Красноводска, какъ своихъ враговъ за подданство русскому правительству. И вотъ при такихъ отношеніяхъ къ намъ текинцевъ надо было привлечь ихъ на нашу сторону, отнюдь не прибѣгая къ оружію. Надежды генерала на поворность общины Кизиль-Арвата съ первыхъ же дней должны были рушиться. Съ приближеніемъ отряда къ крѣпости, все населеніе исчезло, оставивъ намъ крѣпость пустою. На встрѣчу генералу выѣхалъ старшина Кизиль-Арвата Софи-ханъ съ двумя всадниками видимо только для проформы. Имѣя русскую медаль на шеѣ «за усердіе», Софи-ханъ продолжалъ лѣстить, но не сказалъ отъ имени населенія ничего положительнаго. Изъ его неопредѣленныхъ отвѣтовъ и изъ подозрительнаго молчанія сопровождавшихъ его всадниковъ можно было замѣтить, что настроеніе умовъ у текинцевъ на появленіе отряда вообще скверное. Но какъ бы ни было, а надо было начать съ ними переговоры съ увѣреніями, что появленіе русскаго отряда на ихъ территоріи не происходитъ съ цѣлью завоевательною, а есть только начало нашего союза съ текинцами. Но какъ генераль Ломакинъ ни старался доказать цѣль своего прибытія, текинцы, не показываясь, и переговоры съ ихъ старшинами не приводили ни къ какому благопріятному результату. Пришедъ въ крѣпость Кизиль-Арватъ 6-го мая, мы занялись на всякій случай въ полуверстѣ отъ крѣпости укрѣпленіемъ нашей позиціи, окопавшись со всѣхъ сторонъ глубокимъ рвомъ съ валомъ, сохраняя какъ днемъ, такъ и ночью полную бдительность, присущую военному времени въ непріятельской сторонѣ. Днемъ наши казаки высылались на пикеты, а въ прикрытіе на пастбу къ верблюдамъ ежедневно назначалась рота пѣхоты и взводъ казаковъ при одномъ горномъ орудіи. На ночь, по обыкновенію, верблюдовъ клали въ середину лагеря, выставляя кругомъ сторожевую цѣпь пѣхоты и кавалерійскіе аванпосты. У самой нашей позиціи, у подножія горъ, протекалъ ручей превосходной студеной воды, служащей текинцамъ также къ орошенію полей, обильно засѣянныхъ пшеницею, ячменемъ, вукурузою и джигурою⁽¹⁾, которыя привѣтливо ласкали наши взоры, отвыкшіе отъ вида растительной культуры. Свѣжій горный воздухъ, прохладныя ночи, превосходная вода благопріятно дѣйствовали на всѣхъ послѣ пройденной

(1) Родъ проса или пшена, весьма большихъ размѣровъ, разводимаго въ большомъ количествѣ у народовъ Средней Азіи.

безводной степи, и мы только съ любопытствомъ ожидали событій, которыми должны же были наконецъ выясниться отношенія текинцевъ къ русскому правительству.

9-го мая, по вызову генерала Ломакина, въ Кизиль-Арватъ пріѣхало нѣсколько старшинъ изъ вліятельнѣйшихъ народныхъ представителей. Депутация эта помѣстилась въ видѣ лагеря въ кибиткахъ, нарочно для нихъ разбитыхъ по приказанію генерала.

Послѣ переговоровъ и лѣстивыхъ любезностей, старшины объявили, что они ничуть не сомнѣваются въ общемъ желаніи всего населенія Ахаль-Теке признать владычество Бѣлаго Царя, а поэтому постараются убѣдить народъ въ политической пользѣ отъ присоединенія ихъ страны къ русскому царству. Затѣмъ старшины, получивъ богатые подарки парчевыми халатами, серебряными и золотыми монетами и съѣвъ нѣсколько барановъ, да выпивъ нѣсколько самоваровъ чая, уѣхали, заявивъ еще разъ генералу Ломакину, что они считаютъ его самымъ мудрѣйшимъ своимъ властелиномъ и единственнымъ начальникомъ.

IV.

Нападеніе текинцевъ на нашу кавалерію. — Дѣло 12-го мая. — Результатъ боя. — Перемѣщеніе отряда въ крѣпость. — Ночныя тревоги. — Недостатокъ продовольствія. — Тревожные слухи. — Отступленіе. — Бѣдствіе отряда 24-го мая. — Стоянна въ Мулла-Кари. — Бѣдствія и эпидемія. — Возвращеніе въ Красноводскъ и роспускъ отряда.

Вечеромъ 11-го мая нѣсколько офицеровъ, въ числѣ коихъ находился и я, только что расположились у ручья, собираясь въ немъ выкупаться, какъ замѣтили пыль, поднимающуюся въ большой массѣ изъ-за горнаго хребта, которую мы и приняли сначала за тучи, а находившіеся тутъ туркмены, милиціонеры и киргизы положительно утверждали, что явленіе это происходитъ отъ множества конныхъ всадниковъ, двигающихся черезъ перевалъ по направленію къ нашей позиціи. Зная по опыту, насколько глазъ туземца вѣренъ въ опредѣленіи всякихъ явленій на дальнемъ разстояніи, мы почти не сомнѣвались, на другой же день, увидѣть здѣсь текинскую кавалерію, цѣль приближенія коей для насъ все-таки пока еще оставалась загадкою. Ночью военныя предосторожности и бдительность сторожевой цѣпи были удвоены.

Въ 11 часовъ вечера генералъ позвалъ къ себѣ начальника кавалеріи полковника Навроцкаго, который, возвратясь, передалъ мнѣ приказаніе принять за болѣзнію майора С—ва командованіе дивизіо-

номъ, съ которымъ къ тремъ часамъ утра быть готовымъ къ выступленію на рекогносцировку вмѣстѣ съ киргизскою и туркменскою милиціями при четырехъ ракетныхъ станкахъ. Верблюдовъ приказано было съ утра задержать въ лагерѣ, не выпуская ихъ на пастбу, до особаго приказанія. Было ясно, что генералъ имѣлъ неблагопріятныя свѣдѣнія отъ лазутчиковъ, которые всегда находились при немъ въ услугахъ отряда.

Едва забрезжило утро, какъ наша кавалерійская колонна тронулась къ горамъ, откуда наканунѣ видѣлись признаки приближенія непріятеля.

Черезъ часъ, съ восходомъ солнца, мы вступили въ ущелье Ачи-Алма, и, пославъ впередъ киргизовъ на развѣдки, Навроцкій предложилъ мнѣ взѣхать на ближайшую гору для обзора мѣстности и для выбора мѣста пикетамъ, которые онъ полагалъ разставить предварительно до начала движенія нашей колонны.

При обсужденіи этого вопроса лошадь моя, персидскій жеребецъ, не поладилъ почему-то съ туркменскимъ жеребцомъ одного изъ проводниковъ и между ними началась драка, которую ни я, ни туркменъ не въ состояніи были прекратить. Жеребцы то грызлись, поднявшись на дыбы, то, обернувшись оба задомъ, лягали другъ друга, задавая намъ, всадникамъ, такіе толчки, отъ которыхъ едва можно было усидѣть на лошади. Казаки и туркмены помогли намъ рознять забіякъ, которыхъ мы съ трудомъ сдерживали. Тутъ же милиціонеры объяснили, что это столкновение жеребцовъ въ данную минуту есть самый дурной признакъ, предсказывающій намъ неудачу.

Со мною вызвался ѣхать 6-й сотни сотникъ С—нъ, и мы въ сопровожденіи одного трубача стали взбираться по узкой тропинкѣ на ближайшую гору, крутизна которой скоро принудила насъ слѣзть съ лошадей и пѣшими съ трудомъ взобраться на вершину. Не успѣли мы перевести духъ, какъ увидѣли обратно скачущихъ по ущелью киргизовъ, паническіе крики которыхъ рѣзко раздавались въ воздухѣ. Тотчасъ вслѣдъ за киргизами изъ-за выступа горъ показались всадники на převосходныхъ аргамакахъ, въ разноцвѣтныхъ халатахъ; число ихъ увеличивалось каждую секунду, и они цѣлыми толпами во весь карьеръ валили за уходящими киргизами по направленію къ нашей колоннѣ. Это были текинцы, и стало очевидно, что у насъ съ ними должна произойти стычка. Я приказалъ трубачу играть тревогу, которую тотчасъ повторили въ дивизионѣ; видѣлъ, какъ дивизионъ сѣлъ на коней и на рысяхъ пошелъ изъ ущелья обратно на равнину (1); видѣлъ

(1) Во время отступленія дивизиона изъ ущелья на поляну, казакъ 5-й сотни Гриньянъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью, которая споткнулась, и тотчасъ былъ окру-

еще увеличивающіяся толпы текинцевъ, слышалъ ихъ дикіе, оглушительные крики, еще какія-то командныя слова въ дивизионѣ, а затѣмъ началъ помышлять о собственномъ спасеніи, ибо остался совершенно отрѣзаннымъ отъ своихъ, толпами непріятеля, которыя увеличивались цѣлыми массами. Положеніе мое и моихъ спутниковъ сдѣлалось самое критическое, но тѣмъ не менѣе времени терять было нечего и, чтобы избѣжать плѣна, слѣдовало немедленно найти другой спускъ съ горы, скрытый отъ непріятеля. Кругомъ были каменистыя, обрывистыя уступы, а единственная тропинка, по которой мы поднялись, была въ виду непріятеля, и намъ, отрѣзаннымъ отъ своей части, спускаться по ней было болѣе чѣмъ безразсудно. Тогда, вооружась рѣшительнымъ авось, мы стали отхватывать прыжки по камнямъ, спускаясь въ сторону, невидимую отъ непріятеля, помогая также кое-какъ и трубачу спускать лошадей, которыя Богъ вѣдаетъ почему сами спѣшили спуститься внизъ, то ползя на задѣ, то прыгая по уступамъ подобно дикой возѣ. Къ изумленію нашему лошади, вѣроятно по чувству самосохраненія, спустились съ нами быстро и безъ затрудненій.

Вдали раздавалась ружейная пальба и нестройный гулъ.

Для насъ троехъ заблудившихся наступилъ самый рѣшительный моментъ: это—благополучно достигнуть своей части, не отдавшись въ руки текинцамъ. Ускакать въ Кизиль-Арватъ обратно у насъ не хватило духа. Мы понеслись по направленію, откуда слышались залпы. То спускаясь, то поднимаясь изъ одной балки въ другую, черезъ пять минутъ мы очутились въ тылу лѣваго фланга непріятельскихъ всадниковъ, разсыпавшихся въ 150-ти саженьяхъ отъ нашего дивизиона; передъ нами кипѣло огнестрѣльное кавалерійское дѣло. Обѣзжать непріятельскій флангъ было некогда,—увлеченные же боемъ текинцы не обратили вниманія на то, что мы проскочили между ними. Пролетѣвъ между перекрестнымъ огнемъ разстояніе, отдѣляющее нашихъ отъ нападающихъ, я засталъ дивизионъ въ безпорядкѣ стрѣляющимъ по непріятелю безъ всякаго строя и послѣдовательности. Въ этой сумятицѣ, какъ видно, не успѣли устроить часть для настоящаго боя, поэтому, быстро приведя въ порядокъ обѣ сотни, я началъ руководить пальбою съ коня, такъ какъ предварительно вазакъ не были спѣшены, а теперь спѣшиваться было

женъ текинцами; лошадь его убѣжала, но самъ Гринкинъ, взявъ свою бердановскую винтовку наготовку, сталъ отступать къ дивизиону, уложивъ на мѣстѣ двухъ непріятельскихъ всадниковъ, пытавшихся его схватить, и получивъ самъ четыре неопасныя раны, продолжалъ отстрѣливаться и такимъ образомъ достигъ своей сотни. Гринкинъ за дѣло 12-го мая награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена 4-й степени.

поздно, потому что массы текинцевъ, поминутно увеличиваясь, сильно наседали, видимо собираясь насъ атаковать.

Съ нашего праваго фланга по оврагу показалась спѣшенная текинская пѣхота, пули которой наносили намъ вредъ, и у насъ оказались раненные. Между тѣмъ толпы непріятельскихъ наѣздниковъ, не смотря на наши залпы, все болѣе и болѣе наседали. Пора было пустить въ дѣло ракеты, и четыре станка заработали убійственнымъ огнемъ. Ракеты дѣйствовали мѣтко и, разрываясь въ непріятельскихъ толпахъ, пугали ихъ лошадей и производили хаосъ и сокрушеніе. Ружейные залпы наши продолжали свое дѣло; я видѣлъ, какъ валились съ лошадей желтые, красные и голубые халаты, падали лошади и какъ текинцы отодвинули свою линію саженой на сто назадъ, но пули застѣвшихъ въ оврагѣ спѣшенныхъ текинцевъ продолжали справа бить нашихъ людей и лошадей. Отодвинуть же дивизіонъ влѣво или поставить его вѣе выстрѣловъ не позволяли мѣстные обстоятельства. Передъ нами находилась текинская кавалерія, съ виду равная численностью цѣлой дивизіи, все еще продолжавшая увеличиваться прибывающими изъ горъ конными всадниками, а изъ отряда подрѣпленіе еще не подоспѣло, хотя въ Кизиль-Арватъ дано было знать при первомъ же появленіи текинцевъ. Между тѣмъ, заряды у насъ поубавились на столько, что слѣдовало серьезно позаботиться объ ихъ сбереженіи. Поэтому пальбу мы возобновляли только при приближеніи текинцевъ. Почему текинцы не пытались насъ атаковать съ разныхъ сторонъ одновременно—остается непонятнымъ, или можетъ быть только отнесено къ ихъ неопытности и непрактичности въ военныхъ дѣйствіяхъ. Вдругъ на горѣ, съ которой я спускался, раздался пушечный выстрѣлъ, и въ 50-ти шагахъ передъ нашимъ фронтомъ шлепнулось ядро фальконета, и мы увидѣли на горѣ текинцевъ, которые устроили тамъ свою батарею изъ двухъ орудій. Кавалерія ихъ между тѣмъ начала насъ блокировать. Оставалось намъ построиться къ пѣшей оборонѣ съ батовкою лошадей, по уставу старыхъ казачьихъ временъ, т. е. послѣдовать тому построенію, которое теперь выкинуто изъ казачьяго устава. Но въ данную минуту это бы было весьма практично, если-бы только у насъ были патроны, но они почти были израсходованы, хотя таковыхъ и было взято на рекогноспировку по 60-ти на каждого. Съ каждою секундою положеніе наше становилось болѣе опаснымъ, а подрѣпленія еще не было видно. Текинцы насъ окружали и начиналось наступленіе съ трехъ сторонъ; мы уже слышали ободрительные крики Алла! и топотъ тысячи коней, а отстрѣливаться намъ было почти нечѣмъ. Еще нѣсколько секундъ—и мы, въ числѣ 250-ти чело-вѣкъ, должны были быть изрублены и задавлены массами въ 3,000

человѣкъ непріятеля. Пришлось переживать роковыя минуты. Вдругъ на равнинѣ съ сѣверной стороны, забѣлѣли рубахи и раздался ружейный залпъ: то была 9-я рота Дагестанскаго полка, бѣгомъ спѣшившая на мѣсто боя. Рота эта, какъ оказалось, была предварительно выслана на пастбу къ охраненію верблюдовъ, а потому первая случайно и поспѣла къ намъ на выручку. Съ этой минуты дѣла приняли другой оборотъ. Залпы 9-й роты по лѣвому флангу непріятеля принудили текинцевъ двинуть свои силы къ правому флангу, но подоспѣвшая въ это время изъ Кизиль-Арвата горная полубатарея, подъ прикрытіемъ 3-й роты самурцевъ, учащенною пальбою принудила непріятельскую кавалерію къ отступленію.

Съ этой минуты текинцы начали терпѣть неудачи. Войска наши прибывали ежеминутно; подоспѣли Апшеронскій баталіонъ и еще одна рота дагестанцевъ и четыре полевыхъ орудія.

Текинцы начали поспѣшно отступать по ущелью Ачи-Алма и, страдая отъ усиленнаго огня нашей артилеріи, обратились окончательно въ бѣгство.

Протискиваясь густыми и безпорядочными колоннами у дефиле ущелья, они много терпѣли отъ нашихъ снарядовъ, производившихъ страшное въ ихъ толпахъ опустошеніе. Между тѣмъ, справа, т. е. съ лѣваго фланга непріятеля, мѣстность оставалась открытою, и я доложилъ полковнику Навроцкому о своемъ намѣреніи атаковать съ этой стороны отступающаго непріятеля во флангъ и, получивъ разрѣшеніе, двинулся на рысяхъ по этому направленію; но, проходя въ 50-ти шагахъ мимо одной балки, которая упиралась въ дефиле, мы были неожиданно встрѣчены залпомъ текинской пѣхоты, около 200 человѣкъ, которая, засѣвъ въ оврагѣ, поджидала наши преслѣдующія войска. Еще одинъ казакъ и три лошади были изъ строя, и я уже приготовилъ дивизіонъ къ пѣшему строю, чтобы очистить балку, но подоспѣвшія двѣ роты апшеронцевъ, бросившись въ оврагъ, тотчасъ же выбили изъ него текинскую пѣхоту, которая также по примѣру своей кавалеріи обратилась въ бѣгство.

Обстоятельство это нѣсколько замедлило мое предпріятіе атаковать отступающія колонны непріятеля, который быстро скрывался въ ущельи; но, ведя отъ балки дивизіонъ развернутымъ фронтомъ, мы крупною рысью прошли еще саженой сто, половину пути, отдѣляющую балку отъ непріятеля, и, находясь уже на такомъ же разстояніи отъ отступающихъ карьеромъ, успѣли ударить въ хвостъ текинской колонны. Горныя орудія и пѣхота спѣшили за нами. Текинцы быстро удирали на своихъ аргамакахъ, догнать которыхъ не было возможности. Тѣмъ не менѣе началось преслѣдованіе по ущельямъ и сильно пересѣченной мѣстности, —

преслѣдованіе безуспѣшное, которое въ горахъ могло перейти въ бой, самый для насъ невыгодный, ибо текинцы при своихъ силахъ не замедлили уже занять позиціи и устроить засады противъ нашихъ войскъ, количество которыхъ въ бою 12-го мая было съ небольшимъ 1,000 человекъ, тогда какъ текинцевъ, по самымъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ, оказалось 4,000, бывшихъ на мѣстѣ боя, и 2,000 резерва въ горахъ. Вѣроятно вслѣдствіе имѣющихся на это свѣдѣній преслѣдованіе было остановлено въ самомъ его началѣ, а послѣ еще двухъ-часовой перестрѣлки во всѣхъ частяхъ былъ ударенъ отбой. Мѣсто боя у подножія горъ, въ ущельи Ачи-Алла, а больше всего самое дефиле, были покрыты трупами непріятеля, коихъ на мѣстѣ было насчитано около 100; множество раненыхъ лошадей бродило тутъ-же, которыхъ киргизы и туркмены не замедлили захватить. Въ нѣсколько минутъ тѣла непріятелей были ограблены. Кромѣ того, мы неожиданно увидѣли на пикахъ киргизовъ текинскія головы, и кровожадные военные инстинкты киргизовъ и туркменъ не замедлили проявиться въ дикихъ традиціонныхъ трофеяхъ нашихъ милиціонеровъ. Бой продолжался четыре часа, послѣ котораго войска стянулись на равнинѣ и началось обратное движеніе къ Бизиль-Арвату, гдѣ насъ встрѣтилъ съ пріятливою рѣчью генералъ Ломакинъ, оставшійся на позиціи съ тремя ротами и четырьмя орудіями. Наши раненые были уже на мѣстѣ и около нихъ суетились фельдшера.³ Раненыхъ оказалось: казаковъ Лабинскаго дивизіона—11, милиціонера—два; въ пѣхотѣ одинъ офицеръ и четыре нижнихъ чина. Убитыхъ одинъ милиціонеръ—туркмень. Итого раненыхъ—18, убитыхъ—одинъ, а всего убито изъ строя 19 человекъ и ранено пять лошадей.

Стычка эта должна была убѣдить генерала Ломакина въ полной враждебности къ намъ текинскаго народа, имѣвшаго въ принципѣ лишь полную независимость и борьбу за нее.

Послѣ дѣла 12-го мая, положеніе отряда сдѣлалось самое неопредѣленное. Мы находились во враждебной странѣ съ горстью людей, отрѣзанные отъ остальнаго міра, не обезпеченные продовольствіемъ и резервами, могущими во-время подкрѣпить наши небольшія военныя силы. Дальнѣйшія намѣренія генерала Ломакина и донесенія его въ Тифлисъ оставались для насъ тайною. Поэтому въ офицерскихъ кружкахъ, какъ это обыкновенно водится при бездѣйствіи отряда, ходили весьма разнородные слухи. Больше всего новостей мы приобрѣтали отъ туркменъ-милиціонеровъ, служившихъ переводчиками и посылаемыхъ съ депешами въ Красноводскъ и къ Михайловскому заливу курьерами. Но тѣ больше рассказывали все преувеличенно или основывались на своемъ пылкомъ восточномъ воображеніи. Отъ нихъ мы однако узнали, что генералъ проситъ под-

крѣпленія, чтобы тронуться дальше, но что пока оно придетъ, то текинцы рѣшили насъ уничтожить и что они имѣютъ далѣе въ крѣпостяхъ Беурмѣ и Геокъ-Тепе большіе резервы, готовые двинуться противъ насъ, и, кромѣ того, ожидаютъ еще подкрѣпленія изъ Мерва. По всей вѣроятности слухи эти имѣли свою долю правды, ибо, судя по распоряженіямъ генерала Ломакіна, нельзя было сомнѣваться, что положеніе наше становилось затруднительнымъ. Продовольствіе для отряда, взятое съ 24-го апрѣля на одинъ мѣсяцъ, приходило къ концу, и 16-го мая послѣдовало распоряженіе по отряду—продлить оное по 1-е іюня, уменьшивъ дачу сухарей казакамъ и солдатамъ, а лошадямъ фуража на половину противъ обыкновенной дачи.

Послѣ дѣла 12-го мая, не проходило ни одной ночи, чтобы шайки текинскихъ джигитовъ съ криками и выстрѣлами около нашего лагеря не подняли-бы у насъ тревоги, а слухи объ увеличеніи военныхъ силъ у текинцевъ съ каждымъ днемъ подтверждались. 18-го мая, было приказано частямъ немедленно снимать палатки, выючить верблюдовъ и переноситься въ крѣпость Кизиль-Арватъ. Крѣпость эта съ цитаделью занимала 100 квадратныхъ саженой и, какъ всѣ крѣпости Средней Азіи и Туркестана, состояла изъ прочныхъ глиняныхъ саманныхъ стѣнъ, очень высокихъ и трудно доступныхъ даже артилерійскимъ снарядамъ, имѣла для входа въ нее одно весьма узкое пространство, еле проходимое для верблюда съ вьюками, а потому, начавъ переселеніе въ крѣпость въ восемь часовъ вечера, мы едва къ 12-ти часамъ ночи кое-какъ умѣстились въ ней, страшно стѣснивъ другъ друга. На другой день начались фортификаціонныя работы, и черезъ два дня на вновь устроенныхъ барбетахъ уже красовались наши орудія. За то войска были страшно стѣснены; палатки стояли одна къ другой плотно, безъ интерваловъ; артилерійскія и казачьи коновязи приходились къ палаткамъ почти въ плотную, а пыль, духота и отсутствіе вѣтра дѣлали стоянку въ крѣпости невыносимою. Къ тому еще, вслѣдствіе отданнаго приказанія, чтобы продовольствіе, имѣющееся при отрядѣ по 24-е мая, продлить по 1-е іюня, и уменьшеніе за недостаткомъ барановъ мясной порціи заставило отрядъ находиться въ-проголодь въ теченіе восьми дней нашего пребыванія въ крѣпости и послѣдующаго движенія къ Михайловскому заливу. Достать же у туземцевъ продовольствія даже за деньги не было никакой возможности, потому что они не показывались, и всякія сношенія съ ними были уже прерваны. Реквизиціи и фуражировки по брошеннымъ аузамъ и хлѣбнымъ полямъ, производимыя преимущественно киргизами, по своей скудости не удовлетворяли отрядъ. Одинъ разъ въ крѣпость явились текинскіе старшины съ изъясненіемъ сожалѣнія, что народъ текинскій

отказывается ихъ слушать и не желаетъ имѣть сношеній съ русскими, причемъ разумѣется горевали объ утратѣ своего вліянія на молодежь, бранили ихъ, увѣряли въ своей преданности и безсовѣстно лестили генералу, отъ котораго по обыкновенію получали подарки. Кромѣ этой депутаціи, текинцевъ мы болѣе не видѣли, и они перестали даже тревожить насъ по ночамъ, хотя слухи о нападеніи ихъ на насъ все увеличивались.

Между тѣмъ, мы оставались въ самомъ затруднительномъ положеніи среди враждебнаго къ намъ населенія, отрѣзанные отъ Кавказа Каспійскимъ моремъ, а потомъ, 200-верстнымъ пустыннымъ пространствомъ, отъ единственнаго нашего опорнаго пункта Мулла-Кари — безъ продовольствія и резервовъ, на прибытіе коихъ съ кавказскаго берега рассчитывать было трудно, такъ какъ начавшіяся въ то время военныя дѣйствія въ Азіатской Турціи и въ Дагестанѣ привлекли всѣ войска кавказской арміи на театръ военныхъ дѣйствій. При этомъ подтверждающіеся слухи о прибытіи къ текинцамъ изъ Мерва союзныхъ силъ въ числѣ 14,000, отсутствіе подножнаго корма въ окрестности и начавшіяся вслѣдствіе этого падежи верблюдовъ—все вмѣстѣ взятое, вѣроятно, принудило генерала Ломакина поспѣшить отступленіемъ въ Михайловскому заливу, гдѣ въ урочищѣ Мулла-Кари, какъ опорномъ пунктѣ, и ожидать дальнѣйшихъ распоряженій отъ Его Высочества главнокомандующаго кавказскою арміею.

28-го мая, въ четыре часа пополудни, по отряду былъ отданъ приказъ снимать палатки и черезъ два часа быть готовымъ въ выступленію. Въ крѣпости поднялась суматоха, и хотя отрядъ и былъ готовъ къ походу въ шесть часовъ, но выходъ изъ крѣпости выюковъ, черезъ узкое дефіле въ одинъ верблюдъ, задержалъ выступленіе до глубокихъ сумерекъ, т. е. до 10-ти часовъ вечера. Было совершенно темно, когда отрядъ, выбравшись изъ крѣпости, тронулся на западъ по направленію къ колодцу Ушакъ, лежащему у самаго подножія горъ, къ западу отъ Кизиль-Арвата. Вслѣдствіе продолжительной засухи дождевыя озера Капланъ и Кутукъ, находившіяся на нашемъ прежнемъ пути къ Кизиль-Арвату на сѣверо-западѣ, совсѣмъ высохли, и крайность эта заставила генерала избрать при отступленіи другой путь, какъ оказалось, болѣе кружный, но довольно пересѣченной мѣстности къ западу отъ Кизиль-Арвата. Къ колодцу Ушакъ мы пришли въ 12 часовъ ночи. Темнота, спѣшное выючанье передъ выступленіемъ изъ Кизиль-Арвата и пересѣченная на пути мѣстность послужили причиною, что въ нѣкоторыхъ частяхъ были утеряны выюки съ провіантомъ и прочими вещами, отчего части эти лишили себя послѣдняго и безъ того уже умѣреннаго раціо-

на. Вслѣдствіе этого обстоятельства приказано было весь наличный провіантъ и прочіе припасы, находившіеся въ отрядѣ, раздѣлить поровну во всѣхъ частяхъ, что на самомъ дѣлѣ для цѣлаго отряда составило только полную дачу, на одни сутки, которую надо было протянуть на время прохожденія до Мулла-Кари на 180 верстъ, т. е. по крайней мѣрѣ на четверо сутокъ марша, имѣя при этомъ въ тылу скопища текинцевъ, которые своими разкогноспировками заставляли насъ постоянно находиться насторожѣ. Особенно ночью удваивали мы сторожевую цѣпь, изнуряя этимъ людей въ частяхъ, всего болѣе въ нашемъ казачьемъ дивизионѣ, который, находясь постоянно на аванпостахъ, положительно не зналъ отдыха за все время этого отступленія, а лошади наши всѣмъ не разсѣдывались.

На слѣдующій день, 29-го мая, въ четыре часа утра, мы двинулись далѣе къ роднику Казанджикъ, также лежащему у подножія горъ Копетъ-Дага, откуда и должны были выйти на старую дорогу къ колодцу Айдинъ. Но генералъ Ломакинъ, убѣжденный разсказами проводниковъ о сокращеніи пути къ Айдину, правѣе черезъ степь, и о лежащемъ на полупути къ нему дождевомъ озерѣ Ахча-Куйма, оставилъ влѣво горы и путь къ роднику Казанджикъ, а пошелъ прямо на сѣверо-западъ черезъ солончаки и пески на колодовъ Айдинъ, надѣясь встрѣтить на пути дождевую яму и этимъ движеніемъ сократить путь по крайней мѣрѣ верстъ на 15. На бѣду въ утро 29-го мая, вслѣдствіе послѣдшаго подъема да поздняго прихода наванути, во многихъ частяхъ у колодца Ушакъ не были налиты боченки, а воды при себѣ въ баклажкахъ у людей имѣлось на столько, что могло только хватить въ жаркій день на нѣсколько часовъ похода, да и всѣ мы, кромѣ того, рассчитывали на скорое прибытіе къ роднику Казанджикъ, не предполагая измѣненія маршрута къ обѣтованной дождевой ямѣ.

Къ нашему несчастію, проводники ошиблись мѣстностью и къ 10-ти часамъ дня усталый отъ жары отрядъ остановился для привала на пескахъ въ безводной пустынѣ, при 40-градусномъ припекѣ. Небольшое количество воды, какое люди имѣли при себѣ въ пѣхотѣ, было уже выпито во время марша, и солдаты, мучимые жаждою, обращались съ просьбою о водѣ къ казакамъ, которые отдали имъ свою послѣднюю, оставшуюся въ баклажкахъ, воду. До озера болѣе рассчитывать было не на что, а озеро было утеряно; къ этому примѣшивался еще и голодъ. Мяса въ отрядѣ не было, кашу варить за недостаткомъ воды невозможно, и весь отрядъ съ полнымъ терпѣніемъ грызъ остатки сухарей, какъ-бы не заботясь о предстоящихъ лишеніяхъ.

Киргизы привезли мнѣ раненаго жеребенка-кулана и, зарѣзавъ его, я подѣлился имъ для шашлыка съ вѣмъ только было можно; болѣе на мясо нельзя было рассчитывать надолго.

Пробывъ на привалѣ не болѣе часа, генералъ Ломакинъ разослалъ киргизовъ и туркменъ разыскивать дождевую яму и снова, по предполагаемому указанію оставшихся при немъ проводниковъ, тронулся съ отрядомъ далѣе въ надеждѣ хотя бы къ вечеру дойти до воды. Съ этой минуты для отряда началась истинная мука. Безводье, жара и песокъ скоро довели пѣхоту до полного изнеможенія, особенно молодыхъ солдатъ; выбившись изъ силъ, они поминутно ложились, не смотря на понуканія унтеръ-офицеровъ. Многіе изъ нихъ, выбиваясь изъ силъ, подъ разными предлогами прятались на походѣ въ кусты, и ихъ приходилось разыскивать. Поэтому, во избѣжаніе случая пропажи кого-либо изъ солдатъ, нашему казачьему дивизиону приказано было въ арьергардѣ идти лавою и наблюдать за отставшими солдатами. Къ вечеру число истомленныхъ увеличилось, было даже нѣсколько солнечныхъ ударовъ. А воды все-таки не было. Почти весь нашъ казачій дивизионъ спѣшился, ведя въ поводу лошадей, уступивъ на своихъ сѣдлахъ мѣсто ослабѣвшимъ солдатамъ. Отрядъ двигался медленно, безъ ропота, только кое-гдѣ въ рядахъ слышались глухіе вздохи; общее впечатлѣніе было тяжелое: усталость и жажда мучили всѣхъ безъ исключенія. Солнце садилось, а мы шли съ четырехъ часовъ утра почти безъ отдыха. Въ сумеркахъ, посланные на поискъ воды милиціонеры вернулись съ извѣстіемъ, что дождевая яма находится не болѣе какъ въ 10-ти верстахъ отъ насъ. Извѣстіе это произвело освѣжающее дѣйствіе: отрядъ будто встрепенулся, пѣхота прибавила шага. Но послѣ двухъ-часоваго марша объ озерѣ все-таки не имѣлось вѣрныхъ свѣдѣній. Было совершенно темно, когда генералъ рѣшилъ расположить выбившіяся изъ силъ отрядъ на ночлегъ и послать всю кавалерію за водою. Войсковой старшина С—въ и нѣсколько солдатъ лежали больными отъ солнечнаго удара. Забравъ у пѣхоты сколько было возможно баклажекъ, мы немедленно съ проводниками поспѣшили въ водъ, до которой отъ мѣста ночлега оказалось еще верстъ восемь, потому что прибыли къ водѣ съ мѣста ночлега только черезъ часъ. Итого, послѣ извѣстія о найденномъ озерѣ, вмѣсто обѣщанныхъ 10-ти верстъ оказалось ихъ по крайней мѣрѣ 20. Всего сдѣланнаго отрядомъ перехода 29-го мая, отъ колодца Ушакъ до дождевой ямы Ахча-Куйма безъ воды и въ 40 градусовъ жары, оказалось 60 верстъ ⁽¹⁾. При

(1) По измѣренію капитана Пепилева, находившагося въ этотъ же день 29-го мая 1877 года при отрядѣ.

возвращеніи нашемъ въ лагерь, бѣдные солдаты выбѣгали на встрѣчу казакамъ, которые все-таки не могли привести достаточно воды для девяти ротъ и артилеріи. Я видѣлъ даже, какъ оставшіеся безъ воды солдаты падали передъ казаками на колѣни, прося хотя глотокъ воды. Но, какъ бы ни было, къ полночи въ лагерь все успокоилось, усталость взяла верхъ надъ жаждою и голодомъ, а въ четыре часа утра отрядъ приближался уже къ водѣ. Дождевая яма Ахча-Куйма есть озеро, занимающее въ объемѣ до ста квадратныхъ сажень. По приходѣ нашемъ вода оказалась чистою и отстоенною, и генераль рѣшилъ остаться здѣсь до слѣдующаго дня, чтобы этимъ дать возможность отряду отдохнуть и оправиться отъ форсированнаго тяжелаго перехода наканунѣ. Хотя въ отрядѣ, какъ уже было сказано выше, не имѣлось ни сухарей, ни мяса, но крупы могло еще хватить дня на три, поэтому каша варилась много, а чаю люди пили вволю, и на другой день съ бодрымъ духомъ выступили далѣе. Но послѣдствіе стоянки у ямы Ахча-Куйма не замедлило оказать свое губительное дѣйствіе. Чистая по приходѣ нашемъ вода этого озера, будучи забудоражена слишкомъ 2,000-ми верблюдавъ, какъ извѣстно весьма неопытными животными, скоро произвела на наши желудки свое отравляющее дѣйствіе. На первомъ же переходѣ, у всѣхъ почти безъ исключенія открылись желудочныя боли, поносъ и рвота, и весь полубольной отрядъ, истощенный уже недостаткомъ пищи, къ вечеру 30-го мая едва доплелся до колодца Айдина, гдѣ опять пришлось терпѣть отъ недостатка воды, потому что ея, вслѣдствіе жаровъ, стало очень мало въ колодцѣ, да и въ томъ, неизвѣстно почему, мы нашли много утопленныхъ крысъ и мышей. Но наши неутомимые киргизы скоро расчистили колодезь, который, не смотря на это, все-таки давалъ такъ мало воды, что намъ приходилось долго дожидаться очереди, чтобы получить ее сколько-нибудь для варки пищи и чая. Лошадямъ нашимъ только ночью едва досталось по полведра воды, а верблюды остались совсѣмъ непоеными. Вообще верблюды наши при отступленіи оказались негодными къ дальнѣйшему походу, такъ какъ въ теченіе 20-ти-дневной стоянки отряда въ Кизиль-Арватѣ, за недостаткомъ корма, они до того отошали, что теперь при движеніи отряда обратно къ Михайловскому заливу каждый день падали десятками. Это была одна изъ бѣдъ, избѣгнуть которую было невозможно. При нашихъ военныхъ въ Кизиль-Арватѣ обстоятельствахъ нельзя было стадо, состоящее изъ 3,000 верблюдавъ, пускать далѣе трехъ, четырехъ верстъ отъ нашей позиціи, такъ же какъ и трудно было отдѣлать на пастбу сильное прикрытіе отъ нашего малочисленнаго отряда. Само собою разумѣется, что такое количество вер-

блюдовъ въ продолженіе недѣли выѣли весь кормъ, какой только былъ на разстояніи четырехъ верстъ отъ Кизиль-Арвата, кормъ, состоявшій изъ рѣдкихъ колючихъ растений, частью выгорѣвшихъ отъ наступившихъ усиленныхъ жаровъ. Еще во время отступленія нашего участь верблюдовъ много облегчалась отъ уменьшенія тяжести, происходящаго отъ истощенія продовольствія; но, не смотря на это, бѣдныя исхудалыя животныя дохли все-таки отъ 10-ти до 20-ти штукъ въ день. Лошади наши хотя и не падали еще, но, еле двигаясь на одномъ гарницѣ ячменя и безъ сѣна въ жаръ при скудности водопоя, буквально были, что называется, шкура да кости, неспособныя къ перенесенію военныхъ трудовъ. Жара, доходящая до 45° , усиленные переходы, недостатокъ пищи и воды не могли не повліять преимущественно на здоровье людей. Въ отрядѣ открылись кровавый поносъ и изнурительная лихорадка, и число заболѣвающихъ съ каждымъ днемъ увеличивалось. Въ такомъ видѣ отрядъ 1-го іюня вернулся въ Мулла-Кари, гдѣ и простоялъ цѣлый мѣсяцъ въ ожиданіи распоряженій и подкрѣпленія, которыя генераль Ломакинъ, въ виду предполагаемыхъ имъ дальнѣйшихъ дѣйствій въ Ахаль-Теке, надѣялся получить съ Кавказа. Участъ отряда послѣ дѣла подъ Кизиль-Арватомъ и печальныя событія, его сопровождавшія, не могли не повліять на нашъ общій упадокъ физическихъ силъ.

Пребываніе отряда въ теченіе мѣсяца въ Мулла-Кари, куда изъ Михайловскаго залива, отстоящаго на 25 верстъ отъ Мулла-Кари, доставлялось изъ Красноводска въ отрядъ въ полномъ размѣрѣ всякое продовольствіе, нисколько не улучшило положеніе отряда. Мулла-Кари слыветъ у туземцевъ самымъ лихорадочнымъ мѣстомъ въ странѣ, и его вредныя гигиеническія условія не замедлили оказать на наши войска свое губительное дѣйствіе. Плоская равнина солончака, окруженная со всѣхъ сторонъ песчаными холмами, не дающими свободы вѣтру; сѣрно-солонцеватый болотистый грунтъ, отдѣляющій вѣчно зловредныя испаренія, вода разрѣшающаго сѣрно-щелочнаго свойства, жара, доходящая въ тѣни палатокъ до 38° ,—все вмѣстѣ взятое въ теченіе мѣсяца довело отрядъ до полного изнеможенія.

Опять-таки отъ скудности корма падежъ верблюдовъ не прекращался, лошади отъ жаровъ и отъ недостатка сѣна не поправлялись, а у людей, кромѣ кроваваго поноса и усиленныхъ лихорадокъ, развилась еще, за отсутствіемъ свѣжихъ продуктовъ, цинготная болѣзнь, которая очень быстро усилилась. Всѣ чувствовали себя скверно, потому что всѣмъ нездоровилось. Къ концу мѣсяца больныхъ оказалось буквально на половину, а умершихъ послѣ экспедиціи въ теченіе года отъ кроваваго поноса и другихъ болѣзней оказалось 380 человекъ изъ числа 1,820 нижнихъ чиновъ,

составляющихъ нашъ отрядъ, въ которомъ во время экспедиціи, кромѣ самыхъ простыхъ казенныхъ лазаретныхъ медикаментовъ, никакихъ санитарныхъ пособій не было. Черезъ недѣлю по приходѣ нашемъ въ Мулла-Кари, генераль Ломавинъ уѣхалъ на пароходъ въ Красноводскъ, куда его призывали дѣла службы, а вслѣдъ за этимъ, одинъ за другимъ, отправилась большая часть нашего начальства: полковникъ Навроцкій, командиръ 6-й сотни, войсковой старшина С—въ и многіе другіе. Командованіе отрядомъ ввѣрено было командиру Апшеронскаго баталіона, подполковнику Э., а я остался начальникомъ кавалеріи. Наша служба за это время состояла въ конвоированіи больныхъ къ Михайловскому заливу, откуда они были отправляемы на пароходъ въ Красноводскъ и въ конвоированіи транспортовъ, получаемого изъ Красноводска продовольствія обратно отъ Михайловскаго залива въ Мулла-Кари, да еще въ содержаніи аванпостовъ. Служба этого рода при маломъ количествѣ людей сильно затрудняла части войскъ, особенно казаковъ. Туркменская милиція была на это время распущена, киргизы же стерегли верблюдовъ и дѣлали дальніе разѣзды, оставаясь вмѣстѣ съ своими конями, за немногими исключеніями, по прежнему бодрыми и неутомимыми, между тѣмъ какъ казаки наши отъ болѣзней валились какъ мухи, а лошади ихъ пришли въ полное истощеніе. Дошло до того, что изъ 280 человекъ, составляющихъ дивизионъ съ ракетною командою, къ концу мѣсяца, благодаря эпидеміямъ, я не могъ вывести въ строй болѣе 160 человекъ. Нестерпимая жара и миліарды мухъ лишали насъ сна и аппетита. Не удивительно покажется послѣ этого, что приказаніе, полученное 28-го іюня, о немедленномъ возвращеніи отряда въ Красноводскъ было принято съ радостью. Изъ Мулла-Кари въ Красноводскъ мы выступили 29-го іюня, и тутъ казакамъ пришлось еще разъ выдержать порядочное испытаніе. Подполковникъ Э., отправивъ передъ выступленіемъ, въ утро 29-го іюня, послѣднія тяжести отряда къ Михайловскому заливу для доставки ихъ моремъ въ Красноводскъ подъ прикрытіемъ 5-й сотни, выступилъ съ отрядомъ, приказавъ, чтобы сотня по возвращеніи своемъ въ Мулла-Кари немедленно догнала бы отрядъ. Поэтому 5-я сотня, сдѣлавъ 29-го числа въ оба пути 50 верстъ и почти не отдохнувъ въ Мулла-Кари, ночью пошла на соединеніе съ отрядомъ, который ночевалъ въ 15-ти верстахъ отъ Мулла-Кари, у колодца Ушакъ-Ягманъ. Придя въ два часа ночи къ колодцу, въ четыре часа утра сотня снова пошла съ отрядомъ далѣе за 50 верстъ до колодца Белекъ, гдѣ отрядъ остановился ночевать, не дойдя четырехъ верстъ до самаго колодца. Итого 5-я сотня, будучи истощена предъидущими невзгодами, сдѣлала въ 36 часовъ 115 верстъ,

надорвавъ послѣднія силы казаковъ и лошадей. Это было наконецъ послѣднее испытаніе, и отрядъ, имѣя запасъ воды изъ Ушакъ-Ягмана, 1-го іюля сдѣлалъ у Белека дневку, а 3-го іюля благополучно прибылъ въ Красноводскъ.

Въ теченіе трехъ недѣль пребыванія нашего въ Красноводскѣ сотнѣ моей былъ данъ полный отдыхъ и время для исправленія нѣкоторыхъ ущербовъ, нанесенныхъ намъ этою экспедиціею. Въ промежутокъ этого времени произошла при церковномъ парадѣ раздача нижнимъ чинамъ Георгіевскихъ крестовъ, кои на нашъ Лабинскій дивизіонъ досталось получить восемь, т. е. по четыре креста на каждую сотню.

Экспедиція 1877 года окончилась; отряду объявленъ былъ роспускъ, и я съ 5-ю сотнею и киргизами, простоявъ до 24-го іюля въ Красноводскѣ и отправивъ всѣхъ слабыхъ казаковъ моремъ въ фортъ Александровскій, вернулся туда сухимъ путемъ 20-го августа съ 60-ю человѣками казаковъ и 110-ю лошадьми. Послѣдствія экспедиціи 1877 года для 5-й сотни были слѣдующія:

Отъ эпидемій, развившихся въ отрядѣ, умершихъ 13 человѣкъ, оставившихъ службу по неспособности—5 человѣкъ. Лошадей, павшихъ на походѣ отъ изнуренія, двѣ; поступившихъ въ бранъ отъ изнуренія и порчи на походѣ—43.

Порча эта преимущественно заключалась въ разбитости ногъ, а частью отъ неправильной перековки, потому что дивизіонъ нашъ, участвуя въ экспедиціи 1877 года въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, безсмѣнно несъ аванпостную службу, такъ что я не имѣлъ возможности не только держаться какой-либо системы перековки, но даже не могъ слѣдить за правильнымъ уходомъ лошадей. Помимо ежедневныхъ командировокъ на аванпосты, рекогносцировки, развѣдки и конвоированій въ теченіе пяти мѣсяцевъ, 5-й сотнѣ пришлось по маршруту сдѣлать 1,776 верстъ отъ форта Александровскаго до оазиса Ахаль-Теке и обратно.

Ради грубой конструкціи сѣделъ и недостаточности времени для разсѣдлованія и просушки потниковъ, буквально три четверти лошадей были съ садненными спинами, каковыя въ зимѣ этого года хотя и были почти всѣ излечены, но тѣмъ не менѣе другихъ сѣделъ приобрести не имѣлось возможности.

Лошадей запаленныхъ оказалось *восемь*, ослѣпшихъ *одиннадцать* и 34 лошади изъ числа 43-хъ порченныхъ, съ разбитыми ногами (¹).

(¹) Всѣ 43 лошади были степныхъ кубанскихъ и горскихъ кавказскихъ породъ. Испорченной же ни одной изъ киргизской породы не было.

Раненыя лошади въ дѣлѣ 12-го мая были тогда замѣнены киргизскими запасными. Порчи оружія совсѣмъ не было, но за то сбруя и остальное снаряженіе требовало значительнаго исправленія.

Въ зимѣ того же года 5-я сотня была укомплектована и обмундирована, а весною въ слѣдующемъ 1878 году снова выступила въ походъ со свѣжими силами, на крѣпкихъ и преимущественно киргизскихъ лошадяхъ и, снова соединясь съ 6-ю сотнею, составила уже постоянный отдѣльный дивизионъ, командиромъ котораго назначенъ былъ я. Дивизионъ этотъ, участвуя во всѣхъ послѣдующихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Ахаль-Теке, и до сего времени находится на службѣ въ Закаспійскомъ вѣдѣ.

М. Арнольдъ.